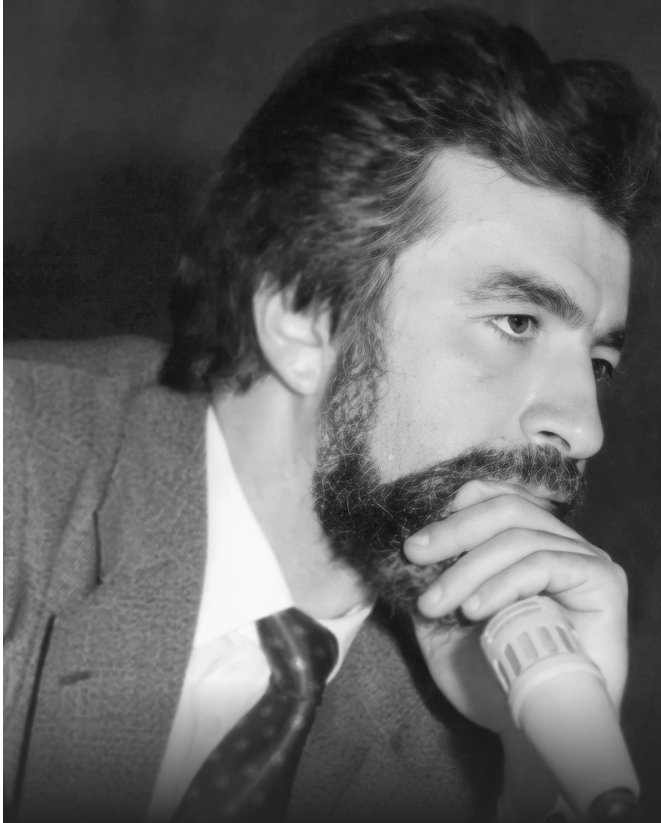


ЕВГЕНИЙ САВОСТЬЯНОВ

90-е: личности
в истории



Я ЗАКРЫЛ КПСС

Евгений Савостьянов Я закрыл КПСС

Серия «90-е: Личность в истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68834046

Я закрыл КПСС / Евгений Савостьянов: Синдбад; Москва; 2022

ISBN 978-5-00131-001-3

Аннотация

«Я закрыл КПСС» – мемуары Евгения Савостьянова, заместителя председателя КГБ СССР и заместителя директора Федеральной службы контрразведки России в начале девяностых. Назначение на работу в спецслужбы для демократа и антикоммуниста Евгения Савостьянова было неожиданным. Но девяностые годы XX века в России были полны подобных поворотов в судьбах людей. Автор этих воспоминаний лично участвовал в «похоронах» Коммунистической партии Советского Союза, снимал гриф «секретно» с истории Бутовского полигона, где в годы сталинских репрессий были расстреляны тысячи человек, первым наладил контакт с антидудаевской оппозицией в Чечне, отвечал за кадровую политику в администрации президента Ельцина. Среди тех, с кем его столкнула судьба, были Андрей Сахаров и Михаил Горбачёв, Юрий Лужков и Владимир Гусинский, Сергей Степашин и Анатолий Чубайс. Читателя ждут встречи с этими и другими политиками, правозащитниками,

бизнесменами, которые в той или иной степени повлияли на ход истории в девяностые годы.

В мемуарах Евгения Савостьянова много ранее не известных широкой публике фактов и деталей, которые сохранились благодаря его дневникам. Автор не претендует на беспристрастность – и это большой плюс книги. В этой книге есть боль и радость, сомнения и попытки осмыслить пережитое. А значит, у читателя появляется возможность понять людей, которые когда-то поверили в то, что Россия может стать свободной демократической страной.

Содержание

| | |
|---|-----|
| Завет из Египта. Пролог | 7 |
| Глава 1. Преамбула | 10 |
| Первый опыт политической борьбы | 10 |
| 25–31–41–49, а также 9,5 и 19 | 15 |
| Мой адрес – Советский Союз | 25 |
| Зреют гроздь гнева | 54 |
| Пятилетка пышных похорон | 62 |
| До 1991 года | 74 |
| Глава 2. Начало революции «снизу». Сахаров. | 85 |
| Съезд | |
| Первые шаги на сцену | 85 |
| КИАН, МОИ, МАДО | 91 |
| Движущие силы демократической революции | 118 |
| Как я попал в политику | 134 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 147 |

Евгений Савостьянов

Я закрыл КПСС

Фотографии представлены Евгением Савостьяновым и Фондом «Президентский Центр Б.Н. Ельцина».

Фото: Алексей Сазонов, Управление пресс-службы и информации Администрации Президента РФ, Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина

Фоторедактор Александр Манохин

Руководитель проекта «90-е: личности в истории» Людмила Телень

Художественный редактор Александр Буслаев

Компьютерная верстка Алексей Рунов

Корректоры Елизавета Платонова, Ольга Левина

Директор издательства Александр Андриющенко

Правовую поддержку издательства обеспечивает юриди-

ческая фирма «Корпус Права»

ческая фирма «Корпус Права»



90-е: личности в истории

© Е. В. Савостьянов, 2022.

© Фонд «Президентский Центр Б.Н. Ельцина», 2022.

© Издательство «Синдбад», 2022.

* * *

*Не судья и не советчик,
Но отмечу, виноват,
Путь его витиеват:
Демократ – контрразведчик,
Нынче – снова демократ.*

***Поэт-пародист Александр Иванов – Евгению
Савостьянову, 1995 г.***

Завет из Египта. Пролог

С начала участия в революционном демократическом движении 1989–1991 годов меня постоянно беспокоила мысль: что о наших делах прочитают дети в учебниках спустя лет триста? Знать бы еще, что это будут за учебники и что это будут за дети! Поэтому долго, будучи на сносях воспоминаниями, себя сдерживал, полагая, что графомания – порок распространенный, и если можешь не писать – не пиши.

Но противовесом этому – слова, написанные четыре тысячи лет назад на свитке папируса в Древнем Египте:

«Поэтому пиши, помести это в сердце твое, и имя твое будет также жить. Книга полезнее, чем вырезанная стела или прочная стена гробницы... Человек разрушается, его тело – прах, и все его родственники умерли; но письма заставляют помнить его имя в устах чтеца. Книга полезнее, чем дом строителя или заупокойная часовня на Западе. Она лучше, чем законченный пилон или стела в храме»¹.

Перед тобой, читатель, не главный герой, но и отнюдь не сторонний наблюдатель некоторых эпизодов Великой Российской Демократической Революции.

Неожиданно для себя обнаружил, как много подзабыто, как много перепуталось в голове. Так что особо ценными бы-

¹ Штайндорф Г., Зееле К. Когда Египет правил Востоком. Пять столетий до нашей эры. – М.: Центрполиграф, 2013.

ли для меня беседы с бывшими сослуживцами и соратниками по политической борьбе.

Стараюсь их цитировать как можно более развернуто: их живые голоса – едва ли не самое интересное, что есть в этой книге.

* * *

Libri ex libris fiunt (Книги сделаны из книг): вот и эта представляет собой синтез ранее вышедших: «Спецслужбы на переломе: О работе Московского управления КГБ-АФБ-МБ-ВД-ФСК в переходный период. – М.: Издательский дом «Достоинство», 2017 – 264 с., 12 с. Вкл.», далее по тексту – «Спецслужбы...» (она прошла тогда согласование в ФСБ) и «Демократ – Контрразведчик». Вспоминательный роман. – М., РадиоСофт, 2020. – 704 с. (вкладка – 32 с.) с рядом существенных изменений и дополнений.

Автор, благодарен тем из читателей, кто участвовал в обсуждении этих изданий, и особо признателен тем, кто указал на допущенные в них ошибки и неточности а также поделился своим видением ряда событий, что позволило уточнить описание происходившего. Особо хочу поблагодарить Людмилу Вахнину, Илью Гинзбурга, Михаила Комиссара, Александра Минкина, Александра Михайлова, Людмилу Телень, Валентина Юмашева.

Я благодарен им, но еще больше – тем, кто добился со-

ставления этих записей и стоически терпел мое выпадение из повседневной семейной жизни: моим родителям Ирине Евгеньевне Савостьяновой и Вадиму Константиновичу Мочалову, ныне уже – увы! – покойным, жене Юлии, сыновьям Кириллу и Алексею, внукам Дмитрию (он неохотно соглашался отпустить деда поработать), Евгению (уже третье поколение Савостьяновых не обходится без своего Евгения) и Софии.

Отдельная благодарность – Фонду «Президентский Центр Б.Н. Ельцина», проявившему интерес к упомянутым трудам и давшему толчок написанию этой книги.

Итак, начнем.

Глава 1. Преамбула

Первый опыт политической борьбы

Родившись 28 февраля (а на самом деле 29 февраля, но мама упростила врачей пойти на невинный подлог) 1952 года и являясь представителем предпоследнего «совкового»² поколения, я получил возможность говорить о том, что «пожил при Сталине» и «до водородной бомбы».

Так что первую мою годовщину в семье праздновали в тот день, когда 28 февраля 1953 года Сталин со своей свитой последний раз тоже сел за трапезу, от которой уже не оправился, а наоборот – отправился... К праотцам. В тот же день Уотсон и Крик открыли структуру ДНК – знаменитую двойную спираль.

Про водородную бомбу вспомнил не случайно. Я появился на свет в том же здании на углу улицы Еланского (до боль-

² «Совком» назывался тип человека, выросшего в коммунистическо-советской тирании. Неприсязательного конформиста, соглашателя, без чувства личной ответственности, транслированной начальству, партии, государству. Гордящегося своей страной, не способной толком никого прокормить, но способной всех разбомбить. Первым послесоветским поколением были родившиеся в 1970–1975 годах. Еще раньше от совковости в некоторой степени избавилась интеллигенция крупных городов 1950–1955 годов рождения, в которой сформировался своеобразный уклад «критического конформизма».

шевиков – Клинической) и Большой Пироговской (Большой Царицынской), где за 31 год до меня родился «отец водородной бомбы» академик Андрей Сахаров, один из величайших людей, с которыми мне довелось общаться и о котором в этой книге речь будет идти не раз.

Москва моего детства – город каменных громад и деревенских домов, бараков. Такой была и наша Кропоткинская улица (сейчас – Пречистенка). Город, враз заполнившийся странными людьми, про которых я слышал, что «они – оттуда», – худыми, жесткими. Город чистого воздуха и красивых парадов, гнилой картошки и бесконечных очередей. Город – огромная стройка. В футбол можно было играть во дворе нашего дома 34/18 и на улице. А по крику: «Машина идет» – отскакивать на тротуар, чтобы пропустить очередной грузовик на газу или лимузин. Обилие посольств вокруг (Австралии, Италии, Финляндии) позволяло в дни приемов полюбоваться сказочно красивыми машинами из совсем другого «оттуда»: Buick, Pontiac. Сколько себя помню, были перебои с продуктами. В магазинах продавали грязную, подгнившую картошку и капусту. Иногда, как правило, по записи – колбасу, макароны и крупы. Сыр и мясо не продавали – «выбрасывали», чтобы в рукопашной схватке покупатель могли определить, кому из счастливцев «дефицит» достанется. А если уж продавали, то с криками «больше килограмма/штуки в одни руки не давать». В выходные дни магазины заполняли приезжие из ближайших к Москве обла-

стей, где с едой положение было совсем уж скверным.

Продавицы, исполненные собственного величия, говорили: «Вас много, а я одна». И из этого следовало, что продавец/поставщик важнее потребителя – в полном противоречии с логикой и рыночной системы, и международных экономических отношений. Психология, прочно въевшаяся в сознание моего и старшего поколений. Многие современные политики до сих пор считают, что поставщик важнее покупателя, что энергетической сверхдержавой является Россия, энергоресурсы продающая, а, например, не Германия, их сверхэффективно сверхпотребляющая.

Но одновременно Москва тех лет – город бесплатных кружков и секций на все вкусы, город, где родители не боялись отпустить детей одних погулять на улицу, город дружелюбного отношения людей друг к другу независимо от национальности. Пожалуй, только к евреям существовало скрытое недоброжелательство, культивировавшееся сверху, что было обусловлено в основном борьбой евреев за право свободного выезда из СССР на «историческую родину», в Израиль, а точнее говоря – на бегство от «соцдействительности», социалистической практики советского образца. Выезд из СССР за рубеж был почти недоступен, чтобы у советских людей не было возможности сравнивать нищету «развитого социализма» с изобилием «загнивающего Запада» – такими были основные клише пропагандистской машины, подчиненной, как и все остальное, власти коммуни-

стической бюрократии.

Что там говорить, сами вожди режима систему социализма называли социалистическим лагерем, не видя прямой аналогии с Главным управлением лагерей, ГУЛАГом.

Но были и сумасшедшая радость, и ликование 12 апреля 1961 года – Гагарин полетел в космос!!!

К тому же времени относится и мой первый, правда, тогда еще не осознанный политический опыт.

Авторучек (ни перьевых, ни уж, тем паче заграничных шариковых) тогда ни у кого из школьников не было (как и много другого в СССР, слово «дефицит» – обиходное), в каждой парте круглые углубления, куда вставлялись чернильницы-непроливайки. Чернила почему-то всегда расползались по бумаге жирными кляксами, за что нам изрядно доставалось. Мой дед, Евгений Петрович Савостьянов, был человеком исключительно аккуратным и опрятным (чувствовалась еще добольшевистская закваска выпускника Московского коммерческого института). Он нашел где-то источник чернил качественных, на бумаге не расплывавшихся, и заботливо заправлял ими для меня отдельный пузырек. Это вызывало насмешки одноклассников.

Как-то, выйдя из школы, я увидел, что у ограды одного из зданий, расположенных в переулке Островского (сейчас – Пречистенский), происходит что-то непонятное: толпа дяденек и тетенок, выкрикивая нехорошие, хоть и не матерные (разницу я к тому моменту понимал, и матерщинник был

отменный, за что схлопотал от деда оплеуху) слова, кидает в стены яйца, помидоры и прочую снедь. Я понял, что мой час настал, вытащил из ранца злосчастный пузырек и с наслаждением разбил его о стену.

Дома поделился с дедом впечатлениями и узнал, что это советская общественность по команде демонстрирует свой протест властям Ирака в связи с преследованием курдов. Честно говоря, за давностью лет и несознательностью возраста утверждать, что в той толпе курды преобладали или вообще присутствовали, не могу.

Прошли десятилетия, и как-то в разговоре с Еленой Георгиевной Боннэр, женой великого нашего гражданина Андрея Дмитриевича Сахарова, я узнал, что в то самое время она работала в посольстве СССР в Ираке и врачевала (в годы Отечественной войны она была фронтовой медсестрой) раны одного из лидеров Иракского Курдистана, чуть ли не самого Мустафы Барзани. Посмеялись: вот ведь когда, оказывается, завязался узелок будущего нашего знакомства.

Дар драгоценный, странный, редкий –
В случайных встречах
Видеть знак судьбы.

Следующие мои, уже вполне сознательные политические акции пришлось на старшие классы.

25–31–41–49, а также 9,5 и 19

Для огромного большинства людей, вступивших в сознательную жизнь во второй половине 80-х годов XX века, эти числа ровным счетом ни о чем не говорят. И предложи участникам какой-нибудь интеллектуальной телеигры разгадать их смысл, фиаско будет неминуемым.

А ведь с начала 60-х до середины 80-х годов коротковолновые радиоприемники, принимавшие радиопередачи «Голоса Америки», «Би-Би-Си», «Немецкой волны» и «Радио Свобода» в коротковолновых диапазонах 25–31 – 41 и 49 метров, и катушечные магнитофоны, крутившие песни бардов – Александра Галича, Владимира Высоцкого, Юлия Кима, Булата Окуджавы на скорости 9,5 и 19 сантиметров в секунду, были для немалой части граждан СССР связью с инакомыслием.

Пока еще трудно передать атмосферу несвободы, в которой мы жили в тот период, хотя после 24 февраля 2022 г. это понять все легче.

Власть в стране была в руках КПСС – Коммунистической партии Советского Союза. Она сама продлевала свои полномочия, сама формировала все структуры власти, сама объявляла себя умом, честью и совестью эпохи, сама объявляла о величии собственных – как правило, иллюзорных – побед.

Любое даже не противодействие, а лишь самое скромное,

но публично высказанное сомнение в непогрешимости этих партийных установок, проявление уважения к иным, отличным от декларированных КПСС ценностям бросало на человека тень подозрения. Нельзя требовать, просить – можно только попросить. Нельзя настырно стоять на своем – это пойдет только во вред. «Тебе больше всех надо?», «Ты что, не как все?», «Какой-то ты не наш» – стандартные упреки, за которыми могли последовать и вполне ощутимые неприятности вплоть до тюрьмы и психбольницы.

С одинаковым рвением преследовались и церковь (кроме высших ее иерархов, прошедших отбор и часто – вербовку комитетом госбезопасности (КГБ), и западная эстрадная музыка. Цензура свирепствовала во всем: в литературе, живописи, науке. При этом народное хозяйство летело в пропасть, нарастало технологическое отставание Советского Союза, народ питался скудно, неполноценно, страна оказалась в глубочайшей международной изоляции.

Но на открытый протест хватало мужества у немногих. Андрей Сахаров и Елена Боннэр, Сергей Ковалев и Александр Подрабинек, Юлий Даниэль и Владимир Буковский, их соратники, единомышленники были либо поводом для скрытой зависти их мужеству, либо предметом филистерского отмежевания. Народ же безмолвствовал...

На примере нашей семьи, где я соприкасался с инженерами ракетостроительных организаций Королева и Челомея, знаю, что у военно-технической интеллигенции вернопод-

даничество было не в чести. Люди так плотно соприкасались с реальной жизнью, что иллюзий по поводу моральных основ режима и его перспектив у них не было. С другой стороны, естественная тяга к решению сложных и даже величественных организационных и инженерных задач плюс возможность получать относительно большие материальные блага требовали закрывать глаза на экзистенциальный вопрос: на кого мы работаем. Так что для этой среды был типичен, скорее, веселый и относительно добродушный цинизм мировоззрений.

Повсюду публичное смирение причудливым образом сочеталось с ростом кухонного диссидентства, когда в узком кругу знакомых люди всё более откровенно говорили о мерзостях режима. Передачи западных радиостанций не только давали информационную подпитку этим настроениям, но и помогали преодолеть ощущение изолированности: с каждой передачей крепло чувство уверенности, что неприятие коммунистического режима – норма для разумного человека. Что человек не может быть одновременно умным, честным и членом компартии – хотя бы один из этих трех показателей обязательно отсутствует. Что безобразия этого режима имеют не локальный, но всеобщий характер.

Магнитофонные записи решали ту же задачу, но языком песен Александра Галича, Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы, Юлия Кима. Она, эта песня, глумилась над фальшью официозных лозунгов и норм, превращала абсурд ком-

мунистических установок в комический гротеск, позволяла открыто или эзоповым языком говорить о самых страшных сторонах коммунистической диктатуры.

В нашем доме окна в свободный мир распахнулись с появлением магнитолы «Днипро» примерно в 1964 году. Этот бегемот размером в добрую половину письменного стола и весом килограммов в 25 умел принимать упомянутые выше радиостанции и крутить огромные (с длиной пленки до 500 метров) кассеты с магнитозаписями. Прослушивание радиопередач из-за рубежа стало для меня не только привычным времяпрепровождением, но и своеобразным видом спорта. Передачи беспощадно глушились: по всей стране были развернуты специальные станции, единственной задачей которых было подавление западного радиовещания душевраздирающим воем на тех же частотах вещания – такое вот «соревнование идеологий». Но при правильном подключении антенны всегда удавалось прослушивать на фоне воя и полезный сигнал. Так что ползание вдоль стен квартиры с проводом-антенной, залезание с ним на стол и под стол под завывание «глушилок», чтобы добиться оптимального соотношения «сигнал – шум» было неизменным атрибутом столичного радиообщения с «за бугром» (так тогда называли страны, не оккупированные Советским Союзом).

Слушать было тем проще, чем дальше от крупных индустриальных центров ты находился. Когда в студенческие годы нас посылали в подмосковные совхозы (сельскохозяй-

ственные предприятия коммунистического типа) убирать урожай, прослушивание вражьих голосов проблемы не составляло. Тут уж помогал достаточно портативный радиоприемник «Спидола» рижского завода ВЭФ размером с толстый том формата А4.

Еще курьезней складывалась в этом плане жизнь в далекой провинции. В 1972 году я вместе с несколькими сокурсниками из Московского горного института завербовался мыть золото на Чукотку. Одно из первых ярких впечатлений от жизни прииска: в столовой сидят и обедают отец с сыном, а радиоприемник, который стоит у них на столе, транслирует «Голос Америки». Позднее в местной радиорубке я прочел приказ по районному узлу связи. В приказе речь шла о том, что радист какого-то поселка включил в местную радиосеть передачи того же «Голоса Америки», указывалось на недопустимость подобных действий и щедро раздавались взыскания. От больших бед виновных спасло, видимо, лишь то, что дальше Чукотки засылать их всё равно было некуда.

* * *

В самом начале 1968 года нам объявили, что мы, учащиеся 9-х классов 29-й английской спецшколы, едем «по обмену» на летние каникулы в Прагу, в семьи, дети которых придут в Москву жить в наших семьях. Как я уже говорил, в те

годы выехать за рубеж было практически невозможно и получить предложение и шанс такого рода значило вытащить счастливый лотерейный билет.

В то время народ Чехословакии и даже лидеры ее компартии встали на путь расставания с советской моделью социалистического развития и шаг за шагом, в мягкой, ненасильственной форме пытались уйти от коммунистического абсурда (в пятидесятые годы в жесткой, кровавой форме это пытались сделать другие страны, захваченные после Второй мировой войны Советским Союзом – Восточная Германия и Венгрия). Руководство Советского Союза не знало, как поступить в обстановке, когда по его же инициативе было начато смягчение отношений с Западом – так называемый Хельсинский процесс, а руководство КПСС во главе с энергичным тогда генсеком Леонидом Брежневым было еще более-менее открыто к поиску новых путей развития для тормозящейся экономики страны.

Мой анализ событий привел к безрадостной оценке перспектив и поэтому...

... Дети наших двух классов бегали, собирая многочисленные справки и разрешения (по месту жительства, по месту работы родителей, заключения комиссий о благонадежности и т. п.), обменивались горячими новостями, кто и что успел. И только я ходил, засунув руки в карманы, не принимая участия в суете. Ребята заметили и потребовали объяснений: почему я «выпадаю из коллектива». «Потому, что

вы все дураки, – ответил я. – Потому что летом наши танки будут в Праге, и вы никуда не поедете». Тут же кто-то меня «заложил». Состоялось неприятное объяснение с директором школы Тепловой и парторгом школы Кудрявцевой – с посыпанием головы пеплом: мол, проявил несознательность, ляпнул что-то не то. Но, однако, справки собирать все же не начал. В августе мы с родителями поехали на Украину и там, в гоголевской Диканьке, услышали новость: советские войска вошли в Чехословакию. Занавес? Ничуть не бывало. 1 сентября «мне за декламации мои рукоплескали»³ мои так и не поехавшие в Прагу одноклассники. А через несколько дней в школе проходило отчетно-выборное комсомольское собрание (комсомол, ВЛКСМ, Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи – школа выращивания беспринципных карьеристов и потому позднее – успешных олигархов). Решался вопрос о составе нового школьного комитета комсомола, и кто-то предложил мою кандидатуру. Я встал и сказал, что у меня самоотвод, но тут все закричали, что я – «великий политик» и... дружно за меня проголосовали. После собрания меня подошла поздравить биологиня и парторг, милейшая Валентина Ивановна Кудрявцева.

– Евгений, надеюсь, ты понимаешь, какая ответственность теперь на тебе лежит? – спросила она.

– Конечно, – ответил я, – я и в комсомоле-то вашем не со-

³ Аврелий Августин. Исповедь.

стою, а вы меня в комитет избрали.

– Как не состоишь?!

– Я же говорил, что у меня самоотвод, а меня слушать не стали.

В общем, скандал мог выйти грандиозный, но, спасая учителей и, не скрою, собственное благополучие, я согласился вступить в комсомол. Самое яркое впечатление – вызовы с уроков, когда какой-нибудь пятиклашка всовывал голову в класс и звонко кричал: «Савостьянов – к директору!» Я шел к директору Тепловой, мы садились в черную «Волгу» (престижный в СССР автомобиль), которую она вызывала как член Московского горкома партии, и ехали на заседания каких-нибудь идиотских комсомольских комиссий.

Концовка была болезненной. Войдя в класс на выпускной экзамен по «Истории и обществоведению», увидел радостно улыбающуюся Теплову. «Ну, Савостьянов, теперь мы с тобой посчитаемся», – пообещала она. Гоняли меня она и два преподавателя по очереди больше двух часов. Но «пятерку» я все же получил.

Память о моем пребывании в школьных стенах осталась едва ли не навсегда, вполне материальная. Как-то, выгнанные с уроков за потасовку, мы с одноклассником Ромкой Ионовым в школьном коридоре остановились перед пушкой калибра 76 миллиметров, установленной на втором этаже – в память о погибших курсантах артиллерийского училища, которое до Великой Отечественной войны находилось

в этом здании. «Доедет ли это колесо?...», видимо, относится к числу фундаментальных проблем, беспокоящих русского человека. В общем, два дюжих недоросля подняли лафет пушки и аккуратно покатали ее вдоль коридора. Разогнались и удержать массивное орудие не смогли. Лафет прободал стену, учителя и ученики выскочили на грохот из кабинетов и классов... Родителей, понятно, вызвали в школу, требовали деньги на ремонт, а нам дали ножовку и велели отпилить лафет, дабы такие же олухи не повторили наших деяний. Кто попадет в школу на Пречистенке, дом 8, посмотрите: там и сейчас стоит пушка с кургузым лафетом.

Будучи гуманитарием по наклонностям, я запретил себе поступать в гуманитарный вуз, дабы не заниматься осознанной интеллектуальной проституцией: в гуманитарных науках всецело правила бал генеральная линия компартии и занимать иную позицию было попросту невозможно. Посему сосредоточился на физике, мечтая заняться астрофизикой. Но сосредоточился, видимо, плохо, потому что на вступительных экзаменах в МГУ недобрал полбалла и отправился зализывать моральные раны в Московский горный институт (МГИ).

Вот так неизвестные мне силы приняли за меня решение: вместо *ad astra* получилось *de profundis*⁴.

Много лет спустя, глядя на величественное здание Московского университета, я размышлял, как сложилась бы моя

⁴ Ad astra (лат.) – к звездам. De profundis (лат.) – из бездн, из глубин.

судьба, если бы не те злополучные полбалла. Поначалу был уверен, что все сложилось бы совершенно иначе, но с годами пришел к мысли, что волны жизни вынесли бы на тот же берег. Так же мотался бы по командировкам, так же прикинул бы к демократическому движению и т. д. Похоже, О. Генри прав: «Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу». Так ручеек извилистый крутится, как может, и предугадать направление его движения вроде бы нельзя. Но если уж суждено ему было родиться в бассейне Волги, кончится все в Каспийском море...

Мой адрес – Советский Союз

В 70-е годы нарастало давление властей после короткого периода, названного «оттепелью» – по повести Ильи Эренбурга. Испуганные событиями в Чехословакии, Брежнев и другие руководители КПСС приняли решение свернуть альтернативные кондовому социализму искания и начали снова закручивать гайки в международной политике, экономике, культуре. Всюду – плакаты о наших достижениях, по радио и телевидению – репортажи об успехах. Но реальная жизнь показывала другое. Особенно – молодому человеку, восприимчивому в силу возраста. Начиная с выездов «на картошку» в подшефный совхоз⁵, где общаться приходилось со всеми слоями деревенского населения.

Примерно на третьем курсе по моей судьбе прошелестела почти неслышно загадочная и всевластная заплечная система советской власти – Комитет государственной безопасности, КГБ. Присмотревшись, подошел мой комсомольский начальник Борис Муравлев и как бы невзначай поинтересовался, не желаю ли я связать свою судьбу с КГБ. Я отшатнулся, пробормотав, что, дескать, спасибо, нет. На том разго-

⁵ Убогое сельское хозяйство времен коммунистического диктата требовало ежегодной отправки студентов, научной интеллигенции, военнослужащих в колхозы и совхозы. Выкапывали, грузили картошку, капусту, свеклу (сахарную и кормовую), тискали деревенских и своих барышень и дрались с деревенской молодежью. Все как у людей.

вор и окончился. Ну, уж тут-то судьба прицелилась как нужно, и 20 лет спустя в указанную организацию я все же попал. Ни много ни мало заместителем руководителя. До этого мы еще дойдем.

Основным «хождением в народ» были интереснейшие практики, которыми в те годы славился МГИ, совместная работа с колоритными представителями горнопромышленного люда. Началось все в 1970 году – в городах Сатка и Бакал Челябинской области. Первый отрыв от родительского гнезда, упоение самостоятельностью. Из воспоминаний – величие магnezитового карьера. Кто не видел открытых горных работ с шагающими экскаваторами-драглайнами, отвалообразователями, самосвалами, взрывами по 100–200 тонн аммонита одновременно, тот многое в жизни упустил.

После этой первой поездки у нас сложилась команда, норовившая воспользоваться случаем и совместить приятное (тяжелейшую работу) с полезным (знакомство с Родиной).

В 1971 году удалось завербоваться на работу в объединение «Карагандауголь».

Вообще-то мы прибыли в Казахстан, город Караганда, пос. Долинка, шахта имени 45 лет ВЛКСМ на ту же ознакомительную практику, то есть: смотри, рисуй, описывай. Но небольшая (человека три-четыре) группа искателей приключений на свою ... вместо того, чтобы марать бумагу описанием чужого труда, оформились на работу в забой.

Попробую описать «суровые трудовые будни».

Приезжаешь на смену. В просторной казахской степи стоит двухэтажное здание – административно-бытовой комбинат (АБК), – за которым высятся башни грузо-пассажирского и вентиляционного стволов. От шоссе к АБК ведет обсаженная чахлыми деревцами дорога (их роль в жизни шахтеров будет показана ниже).

Входишь, переодеваешься: вместо своего, родного, московского надеваешь белое белье (кальсоны на штрипках и рубаха, иногда новые, подчас и нет, да еще чужое), сверху – темно-синяя или черная х/б (хлопчатобумажная) куртка и брюки, сверху – брезентовые брюки и куртка. Портянки и резиновые сапоги. И, конечно, каска. Дальше бригада встает шеренгой и по приказу бригадира начинает прыгать на месте.

Если у кого, не дай бог, в кармане загремят спички – шаг вперед и тяжелым бригадирским кулаком – в портрет. Ведь случись кому из болезных поутру шахтеров машинально в забое закурить – верная гибель и ему, и всей бригаде. А то и смене. Шахта сверхкатегорийная, то есть с повышенным содержанием метана. Поэтому в ней нельзя было использовать горнодобычные комбайны и работа шла по старинке, отбойными молотками. И, кстати, можно отметить, что бригадир был единственным казахом в бригаде. Остальные – русские, украинцы, татары и прочие «нетитульные» нации. И в Армении на Зангезурском медно-молибденовом комбинате, в шахте Кафана было так же: бригадир – армя-

нин, рабочие – азербайджанцы.

После такой разминки, бригада шла в «ламповую», где каждый получал лампу с аккумулятором, самоспасатель (примитивный противогаз, который давал шанс в дыму продержаться минут сорок – час, чтобы успеть при задымлении выйти к стволу) и жетон, который нужно было сдать после смены при выходе на-гора, чтобы в случае чего было понятно, кто там, внизу, остался...

Нам, как молодым, предоставлялось «почетное право» тащить фляги-термосы с едой на всю бригаду: суп, макароны с котлетами, компот и белый вкусный хлеб в целлофановом мешке.

Как правило, несли с собой и запас новозаточенных пик к отбойным молоткам.

С этим скарбом бригада спускалась по лестнице к околовствольному двору, где погружалась в клеть, с грохотом бросавшуюся вниз на 350 метров со скоростью 10 м/с. Вода (конденсат и дренаж) льется бодрым ливнем, так что, если стоишь у самого края клетки, успеваешь слегка окропиться, что даже освежает.

Потом примерно полтора километра по горизонтальной выработке – квершлагу топаешь до упомянутой зоны очистных работ, где сворачиваешь на свой штрек и приходишь до своей лавы. И тут кончается пространство *Nomo erectus*.

Что такое лава? Представьте себе наклонный зал длиной около 100–120 метров. На одной из длинных сторон этого

зала – фальш-стена, сложенная из дробленой горной породы (бута), которая поддерживает медленно оседающий потолок (кровлю), не позволяя ему обрушиться одновременно, похоронив под собой работающих в лаве. Но постепенно кровля оседает, придавливая бут, что порождает вмятное потрескивание, поначалу нервирующее непривычное ухо. Вдоль лавы идет транспортер, на который набрасывают отбитый уголь шахтеры, работающие в своих забоях вдоль другой длинной стены. Кроме угля, по транспортеру плывут бревна, распилены (полубревна), а иногда в нарушение всех правил безопасности и шахтеры.

Очистные забои – врезки во второй длинной стене, в каждой из которых работают парами шахтеры. По очереди один рубит отбойным молотком уголь, а второй совковой лопатой набрасывает его на транспортер. Высота забоя, как и всей лавы, определяется мощностью (толщиной) угольного пласта. Таким образом, высота твоего *Lebensraum*⁶, то есть расстояние от подошвы (пола) до кровли (потолка) диктуется матушкой природой и на многих угольных шахтах оказывается много меньше человеческого роста. В нашем случае – около 140 см, что при моих 182 см состояние *erectus* для меня никак не предусматривало – не вставая с колен или согнувшись в три погибели, «даешь стране угля, хоть мелкого, но... много», как гласит известная присказка.

Отбив 70 см угля, мы выхватывали с транспортера два

⁶ Жизненное пространство (нем).

бревна и один распилил и сооружали крепь – раму, которая временно принимала на себя горное давление вместо вынужденного угля.

Такая вот романтика. Тяжелей и в прямом смысле слова беспросветней (до бела света, ясна солнышка – 350 метров по вертикали. Впрочем, бывало и побольше – в Норильске, на руднике «Октябрьский» и за 850 метров выходило) работы не придумаешь.

После смены – назад к стволу, там – наверх, на-гора. Сдаешь жетон, лампу, аккумулятор, самоспасатель. Душ, одеваешь свое и – в столовую, где бутылкой пива возмещаешь растрченную из организма воду. А потом – либо автобусом в поселок, в общежитие. Либо, если есть повод...

...Женька! – крикнул мне на второй или третий день наставник, татарин Тагир, – на-гора выйдем – домой не ходи. Водка пить будем! Гена в отпуск ходит, всем водка купил.

Действительно, после смены в упомянутых деревцах были расстелены газеты, расставлены бутылки теплой водки и вкусного, но тоже теплого пива «Шахтерское», нарезаны хлеб с колбасой. И понеслось... Пили шахтеры по-некрасовски: «Он до смерти работает, до полусмерти пьет». Сколько же здоровья оставил я в теплой казахской степи!

Заработанные в Караганде деньги позволили слетать в Ташкент, посмотреть город, заново отстроенный после разрушительного землетрясения 1966 года. Потом – в Баку, потом в Степанакерт, к близкому институтскому другу Рафи-

ку Арутюняну. Побывали в Нагорном Карабахе, в Шуше, где в начале XX века преподавала в женской гимназии моя бабушка Шушаник Хачатуровна Тер-Хачатурян. Потом перебрались в Армению, пешком и на попутках – до Еревана, посмотрели по дороге такие красивые места, как Горис и Сисиан, и даже в подножье Татевского монастыря положили с местными браконьерами рыбу, которую егерь, он же смотритель музея, глушил толком. Под Ехегнадзором видел древний Селимский караван-сарай, где останавливал на ночь свои неспешные караваны в Персию мой прадед Хачатур.

В Армении острее думается о том, что «сознание определяет бытие» ничуть не меньше, чем «бытие определяет сознание». Семнадцать веков небольшой народ остается верен христианству, находясь в окружении сторонников иного (исламского) концепта. И терпел от этого немало бед, примером тому и история моей семьи. Зачем? Почему? Трудно понять современному человеку. А иногда и невозможно⁷.

Наши родственники Армен Мушегян, Алик и Мила Баграмян, Коля и Элен Оганесян всегда были приветливы и гостеприимны. Потом «высокая принимающая сторона» ненадолго пополнилась Германом и Викторией Рыловыми, которые перебрались в Армению из Норильска, а уж потом – из Армении в Калифорнию.

⁷ Это, кстати, вопрос очень важный и для нашего времени: какую роль в важнейших исторических событиях и решениях играют соображения рациональные, прагматические, а какую – иррациональные, романтические.



Из той поры ярче всего запомнилось лето 1972 г., Чукотка.

На наше письмо из поселка Билибино, из Объединения «Северо-востокзолото» пришел ответ: «Прилетайте. Дорогу оплатим в один конец».

Летом, в сезон, рабочие руки всюду нужны. Сезон в тех краях – с конца июня до начала сентября, когда в лучах незаходящего круглые сутки солнца сходит снег, вскрываются реки, оттаивают золотиносные пески и можно вести их промывку драгой по реке или промустановками на суше. Билет в один конец определил судьбу многих, кто, не заработав в сезон на дорогу домой, на всю жизнь оставался там «бичом» (от БИЧ – бывший интеллигентный человек или *the beach* – матрос, отставший от корабля).

Шесть часов лёту на четырехмоторном винтовом Ил-18 до Красноярска. Остановка на дозаправку. Еще шесть часов на Ил-18, и мы в Магадане, «столице Колымского края», как поется в душераздирающей песне о безнадежной судьбе сотен тысяч, сожранных там коммуно-чекистским молохом с 1931 по 1953 г. Не раз видел их захоронения – в отдельных могилах, во рвах, открывавшихся после оттепели или взрывов на карьерах. Как за 70 лет до того предсказал Некрасов: «А по бокам-то всё косточки русские... Сколь-

ко их!» Жуткую часть населенных пунктов СССР составляли бывшие лагпункты, зоны, шарашки и раскомандировки ГУЛАГа – Главного управления лагерей. Немногие знают, что здание нынешней гостиницы «Пекин» на Триумфальной (тогда Маяковской) площади задумывалось в 1935 году как главное административное здание ГУЛАГа. Лагеря были резервом рабской и безжалостно уничтожаемой рабочей силы для «строительства коммунизма».

Магадан, бухта Нагаева, откуда в конце 1930-х пришла в семью Мочаловых последняя весточка от дяди моего батюшки Вадима Константиновича: «Украли верхонки⁸, теперь долго не протяну». Сырой холодный ветер. Низкие облака, мчащиеся по небу. Подлодка на рейде.

Город состоял из более или менее пристойных кирпичных, белым оштукатуренных зданий в центре и «шанхая» – кварталов барачных и самостроя – домиков из чего попало. В центре – проспект Ленина, кафе «Золотинка» (тезки были по всей Колыме). Там-то один знакомый, выпускник МГИ и погрузил нас в уныние, посулив: «На прииске про баб и думать забудьте, и свой ... в узелок завяжите». Беда, но делать нечего, решили мы.

Самолетом Ан-24 добрались до поселка Кепервеем, где на выходе скальных грунтов оборудована полоса для среднемагистральных самолетов, а потом уже «кукурузником» Ан-2, который мы, двенадцать искателей денег и приключе-

⁸ Верхонки – рукавицы.

чений, забили под завязку, прилетели в поселок Билибино, «столицу “Северовостокзолота”». Поселок назван в честь Ю. А. Билибина, первооткрывателя колымских золотых, серебряных и оловянных месторождений. Одного из тех великих русских геологов, открытиями которых и сегодня живет Россия. В этих краях Билибин никогда не бывал, открыл их теоретически.

В день нашего прилета поселок оживленно гудел. Интересная случилась история. Поселок состоял в основном из деревянных домиков на полозьях, «балков»/«бунгалов», которые легко перевозились с места на место. И вот прилетел в Билибино один завербованный с немалыми «подъемными» деньгами. Оформился на работу, спросил про жилье и получил направление на койку в общежитии.

– Как койку? Да у меня вся семья завтра прилетит! Мне квартиру обещали!!!

– Эх ты, садовая голова. Да кто ж семью в такую даль сразу везет? Сам бы обустроился, тогда б и звал.

– Да что же? Да как же? Да обещали же?

– Знать ничего не знаем. Другого жилья нет. За койку скажи спасибо.

Ну ведь Россия же. Решил мужик завить горе веревочкой. Накатил, как положено и – на аэродром.

В буфете добавил – и стал искать сочувствия у каждого встречного-поперечного. Подкатывает один: «Не горюй. Я отпахал, завтра на материк улетаю, нужно срочно бунгал

продать. Хошь, 300 рэ – и живи».

Мужик ушам своим не верит. От радости и «Зверобоя» (тогдашняя сладковатая водка, полезна от цинги, но пьется порой с омерзением) голову сносит. Идут смотреть. Хороший балок, просторный. Незнакомец у двери повозился и распахнул. «Заходи, – говорит, – смотри. Мебели тут немного, ну потом сам сделаешь, а то прикупишь. А приятель тут на столе поспать лег, потому что кровать я уже продал. Ты не волнуйся, он мужик спокойный, проспится и уйдет. Так берешь?»

Ну, мужик, конечно, деньги на стол. Чувствует, что беда мимо порхнула и капризничать начал:

– А мне вот до работы далековато.

– Так чо? Поставь бульдозеристу бутылку «Зверобоя» – он тебе балок прямо к конторе притащит.

Так и сделали, перетащили балок. А на утро в поселке паника: городской морг кто-то украл...

Получив в «Северовостокзолоте» назначение, мы разделились на две группы и отправились на прииски. Одни – на «Алескерова», другие – на «Встречный». Веселые эти названия – «Встречный», «Солнечный», «Комсомольский», «Радостный» и т. п. – придуманы основателями ГУЛАГа, распоряжавшимися жизнями десятков миллионов рабов-зек⁹.

⁹ Зек – от обозначения «з/к», использовавшегося в официальных документах с конца 1920-х годов. Этимологически восходит к сокращению от «заключенный»

Путь на «Встречный» был через «кряж крутой». Советские автобусы взять его не могли и работали парами. Подвозили людей одновременно с двух сторон к подножью горы. Пассажиры пыхтели со скарбом в гору, задыхаясь, матерясь и похохатывая. На макушке встречались и ждали оставших. Когда собирались все, открывали бутылки, доставали снедь – кто чем богат – и «обдумывали» ситуацию. После чего прощались и удовлетворенно спускались к поджидавшим ПАЗикам¹⁰. Когда мы уселись «думать», кинулся мне в ноги матерый мужик, старатель, увидевший, как я вытаскиваю из рюкзака привезенный из Москвы свежий огурец: «Дай Христа ради, сыну покажу, двенадцать лет мальцу, а он огурца не видел».

Вот так вторым автобусом мы и прибыли на прииск «Встречный». Правильными рядами стоящие деревянные бараки (похожую по геометрии, хотя и много более размашистую планировку я позднее видел в знаменитом немецком концлагере Дахау под Мюнхеном), соединенные деревянными коробами с проложенными внутри трубами парового отопления (теплотрассы) – вот и вся архитектура. Позднее и здесь обнаружился свой «шанхай» с домами-полузема-

красноармеец», впервые появившегося во время опытов Л. Д. Троцкого по созданию Трудармий в послевоенной стране. Позже, во время строительства Беломорско-Балтийского канала, изменено на «заключенный каналоармеец». И распространилось на всех обитателей ГУЛАГа.

¹⁰ Автобусы Павловского автозавода в Нижегородской (тогда – Горьковской) области.

лянками, в основном из тарной доски, впрочем, достаточно утепленными.

Подхватив чемоданы и сумки, мы захохотали было по доскам к конторе и замерли от дивной сцены: люди фланжировали по мосткам, как на бульваре в Москве. Только от нестерпимого тундрового комара мужики спасались вонючим дымом папирос «Север», а женщины и дети – адекватно вонючим дымом «вееров» из тлеющего картона, которыми дамы обмахивались с утонченной изысканностью Чию-Чию Сан.

На перекрестке двух коробов, вцепившись друг другу в волосы, отчаянно мутузили друг друга две молодые женщины. Вокруг – с десяток зрителей.

– Мужика не поделили, – прокомментировал нам ситуацию один из болельщиков.

– Э-э-э, – переглянулись мы многозначительно. Там, где женщины столь самоотверженно бьются за мужчину, можно не выполнять рекомендацию магаданского знакомого и не «завязывать в узелок». Что и подтвердилась довольно быстро...

На следующий день мы получили задание – собрать промывочную установку и начать работу на полигоне у ручья Пырканайвеем. В сущности, это была «проверка на вшивость» – справятся инженерá или нет. Ничего, справились. Посмотрели, как у соседей, почитали чертежи, и через несколько дней гидроэлеватор, насосная и промывочный

бункер были готовы к работе, которая сразу и закипела – сезон на Чукотке короткий: «Колыма, Колыма, чудная планета – двенадцать месяцев зима, остальное – лето».

По двенадцать часов в день, орудуя шестиметровым бревном (водиличиной), я направлял мощную, в 6 атмосфер, струю воды гидромонитора (водяной пушки) в навалы песка, который подталкивали к бункеру бульдозеры. Струя воды уносила размытый песок (пульпу) на эстакаду, где тяжелое золото осаживалось на рифленые резиновые коврики, а почти пустая порода уносилась в отвал.

Раз в сутки приезжали «съемщицы». Не те женщины, которых «снимают», а женщины, которые снимают – золото с ковриков в пломбируемые бачки. К вечеру бригада узнает результаты, с утра бригадир выписывает мелком на доске, сколько граммов намыто за смену.

По тем временам за грамм золота полагался рубль на бригаду. Два рубля получали вольные старатели. Три – вольноприносители, например, работники столовой, которые в свободное от работы время с лотком в руках мыли песочек на ручье или у отвала. Значительная часть золота шла в казну. Меньшая (по разным оценкам, 10–30 процентов) попадала в так называемое «ингушзолото» – отлаженную дельцами ингушами цепочку хищения.

Рассказывали, что в 50-е годы, когда рубль стоил меньше в 10 раз, а купюры были размером раза в два-три больше, в день зарплаты жена провожала мужа на смену со свежесвы-

стиранной и выглаженной наволочкой – деньги уносить.

Из тех 50-х и даже из 40-х в нашей бригаде – до половины мужиков. Среди них и отсидевший свой «четвертак» (25 пять лет лагерей) бывший при фашистах полицаем Григорий. Год за годом писал домой письма, чтобы прознать, можно ли возвращаться, не ждет ли его расправа от родни загубленных им людей. Со мной он обмывал полученный третий подряд ответ: возвращайся, тебя простили.

Он и преподал внятный урок на предмет лишнего любопытства. Когда уже вторая бутылка «Зверобоя» подходила к концу, дернул меня черт спросить, где Грише посидеть пришлось. Он так спокойно и говорит: «Видишь на стене карту? Пошли, покажу». И когда подошли мы к стеночке, Гриша прижал меня к ней длинным и очень острым ножичком, я даже и не заметил, как он его достал. И спокойно, не торопясь, начал рассказывать, слегка покачиваясь, вроде бы по нетрезвому своему состоянию. Качается он, а острый этот ножичек, упертый мне в солнечное сплетение, то поглубже вдавится, то поменьше. Закончил Гриша географический обзор и спрашивает: «Понял?», а смотрит весьма пристально. Я говорю: «Понял, Григорий, пошли допивать». Ответ собеседника устроил.

(И правда, история повторяется в виде фарса. Два года спустя на офицерских сборах под городом Новозыбков Брянской области наше отделение дежурило на полковой гауптвахте. В одной из камер – стук. Командир меня послал

посмотреть, в чем дело. Открываю и вижу длинный и отвратительно ржавый штык, почти прижатый к моему животу, и двух солдат – туркменов, что-то мне напористо внушающих. Автомат – за спиной, и магазин отстегнут (так положено). А у командира отделения ремень зацепился за погон, и он свой АК-47 никак не сдернет. Вот так стоишь и думаешь – насмерть или выживу... Потом выяснилось, что ребята обнаружили штык в камере и хотели его сдать. Пронесло. И меня тоже...)

Другим ярким эпизодом было вскрытие кладбища ископаемых животных, мамонта и носорога.

Началось с того, что над полигоном повис и с каждым часом становился сильнее характерный запах тухлятины. Поводив носом, бригадир сказал: «Скоро мамонта отроем». Честно говоря, я не поверил. Уж как-то чересчур. Но прошло еще два дня, и из-под толщи срезанных вечномерзлотных песков действительно появились прекрасно сохранившиеся останки.

Мой энтузиазм – «Надо немедленно сообщить о находке» – понимания у ватаги не встретил.

– Только пикни, – ласково сказал бригадир. И пояснил: – Узнают на прииске или, хуже того, в Билибино – значит конец работе. Сообщат в Ленинград, в Палеонтологический институт, и до приезда экспедиции, до завершения их работ – сиди и кури за 70 процентов от тарифа. А тебе этих 70 процентов даже и на билет до Москвы не хватит. Будешь

слать телеграммы домой: «Продай, мама, индюка, выкупи меня, п...ка». Так что посмотри, хочешь – отпили кусок бивня на память и забудь. А мы их гусеницами покрошим, и вперед.

Такое было время. По всей стране – свалки ценностей, все бесхозное. Люди предприимчивые или увлеченные использовали это на всю катушку. Московский энтузиаст Феликс Вишневский и мой батюшка находили на помойках картины, иконы, антикварные предметы. Вишневский таким, в частности, образом основал в Москве музей Василия Тропинина и художников его времени. А наш сотрудник и мой тезка выламывал серебряные и золотые детали из электроаппаратуры и выплавлял слитки драгметалла. Нынешнее рачительное время с этим покончило радикально: не только металлолом народ собрал, но и действующие ЛЭП зачищает порой в духе героя чеховского «Злоумышленника». А уж останки мамонтов по всей Чукотке-Магаданщине ищут, вооружившись японскими приборами.

Настроение в бригаде дискуссий не предполагало. Ясная обстановка. Разрядил ее один из бульдозеристов – хоть и хромоногий, но виртуоз своего дела, вдобавок гармонист и душа компании.

– А слабо мясца попробовать.

Признаваться, что «слабо», никто не захотел, тем более многие из ветеранов в ГУЛАГе, наверно, и не такое едали. В общем, срезали шмот мамонтытины, поставили вариться

в цифирном котле, послали на прииск за «Зверобоем» и после четырех часов варки все вместе по команде отправили по куску в рот. Безвкусно, но есть можно. Поели, выпили, продолжили работу. А кусок бивня сантиметров в семьдесят я отпилил и дотащил-таки до дома.

В свободное от работы время еще подрабатывали переборкой леса на лесоскладе и ходили в тундру. Погулять. С девушками...

Тундра прекрасна, как и все, что не изгадил человек: леса и горы, моря и степи. Особенно поразило меня утро после первых заморозков. Разноцветные ягель, мох, лишайники – все покрылось тонкой ледяной корочкой и засверкало самоцветами в солнечных лучах. Утро, впрочем, там понятие условное: большую часть сезона солнце стояло над головой 24 часа в сутки. Причем почему-то именно с часа до трех «утра» лютый чукотский комар давал передышку, и загорал я в это время. Комар тамошний – не чета хилому подмосковному. Могуч, злобен, числом – тьмы и тьмы и поет, гад, басом. Особо беда – когда нужно после смены сальники набить: солидол слизывает противокмариный диметилфтолат, как конь – сухарик. И ничего не сделаешь: пока работу не кончишь – терпи кровососа.

Зима и снег начались в середине августа. Как назло, бригада старателей переманила у нас электрика. По закону подлости сразу после этого пару раз у нас на полигоне вырубалось электричество. Мне приходилось бежать за дежурным

электриком на прииск. И не то беда, что бежать, – подумашь, пять километров по свежему воздуху и налегке, – а то, что приходилось пересекать злосчастный ручей Пырканай-веем вброд. Ширина – метров двадцать, глубина – поболее полутора метров. И шуга, снежная каша, несется с ледяной водой со скоростью немалой. А тебе в этой каше нагишом брести с узлом одежды на макушке и сапогами в руке. В общем, неприятно.

Потому, когда нашли на прииске спившегося электрика-бича, я радовался больше остальных. Только вот всей одежды у нового электрика – портки да вековой нестиранности байковая рубаха. А на улице уже сильно ниже нуля...

Бригадир предложил скинуться и купить бедолаге новые. Что мы и сделали. Во время перерыва на чифирь (варить его была моя обязанность) свежий и чистый комплект одежды вручили электрику со всеми приличествующими словами и наущениями. Облагодетельствованный так растрогался, что едва не прослезился...

На следующий день мы его уже не увидели. Появился три дня спустя, весь трясущийся, «с большого бодуна», в тех же портках и рубахе-вековухе. «Зря вы, ребята, только в соблазн ввели. Я уж как-то так...».

Лето пролетело быстро, грянули холода, превратившие мягкие до того пески в неприступную, твердеющую с каждым днем корку, и в середине сентября моей сменой закончился промысловый сезон. Вернувшись с работы в барак,

увидел, что он ходуном ходит: гуляли удачливые старатели, фартово намывшие за сезон. Только лег – стук в дверь. Открываю. Стоят двое – один длинный, другой коренастый. Оба (точь-в-точь как в вышедшем позднее фильме «Угрюм-река») в бархатных портянках и без сапог.

– Сколько? – спрашивает длинный.

– Трое.

И получаю три коробочки с золотыми часами «Восток». Широко гуляла братва!

Но и для нашей бригады сезон получился не пустым. И превратились мои трудодни¹¹ в солидную сумму, позволившую прокатиться по маршруту Колыма (Черский) – Хабаровск – Иркутск – Байкал – Улан-Удэ – Челябинск – Москва. Только став отцом взрослых детей, понял, сколько крови попил у родителей, угощая их редкими телеграммами с какой-нибудь Верхней Заимки. Напоминаю – мобильные телефоны и Интернет появились в нашей стране лишь через тридцать лет!

Самое яркое из впечатлений этого странствия, конечно, Байкал. Пожалуй, красивее места в России я не видел. Прилетев в Иркутск, посмотрел прекрасный этот город и от привычного отсутствия «в гостинице мест» отправился к Ангаре на стоянку катеров на подводных крыльях «Ракета»¹².

¹¹ Форма учета индивидуального трудового вклада. Ругань из-за начисления трудодней в бригаде – дело обычное.

¹² К созданию «Ракет» имел непосредственное отношение мой дядя, контр-

Предусмотрительно запасся водкой и поэтому был благо-
склонно встречен экипажами, отдохавшими на борту.

Утром катер домчал к Листвянке, где Ангара убегает
от Байкала. К счастью еще оставались билеты на предпо-
следний «рейс-кругосветку» старенького парохода «Комсо-
молец».

В первый же день плавания познакомился с очень симпа-
тичным крепким парнем из Ангарска по имени Иван, кото-
рый предложил составить ему и двум девушкам из Ленин-
града компанию в пятидневном походе по восточному бере-
гу. Сказано – сделано: пять дней походили по Баргузинскому
хребту и успели на последний рейс «Комсомольца».

В Нижнеангарске попали на знаменитый по тем годам
огулевый базар. Прямо скажем, не «Октоберфест». Затра-
пезные прилавки, десятка два продавцов, аккордеон. Рыб-
ка, правда, хороша. Там же попрощался я со своими друзья-
ми-подругами. Они «Комсомольцем» пошли назад, к Иркут-
ску, а мне скучной показалась пройденная раз дорога (есть
во мне такой изъян), и двинулся я дальше. Через Верхнюю
Заимку – в Улан-Удэ (случайная попутчица позвала посмот-
реть пушной аукцион). Вернулся в Иркутск. Полетел в Челя-
бинск, к зазнобе «саткинских времен» Любе. И уже потом –
домой, в Москву. Заработанных старательских денег хвати-
ло, чтобы родители купили набор мебели, «стенку», с ко-

адмирал Борис Николаевич Зубов, курировавший в СССР строительство боевых
кораблей на подводных крыльях.

торой наше семейство рассталось только в 2013 году, когда при разборке выяснилось, что с помпой преподносившаяся всем знакомым «чешская мебель» была произведена на фабрике в Воронеже...

* * *

В 1973 году устроился на работу в экспедицию института «Гидропроект» на строительстве Ингури ГЭС. Наша геофизическая партия работала в тоннелях, соединявших пространство будущего водохранилища с руслом реки Эрисцкали. Вода реки Ингури, поднятая 270-метровой арочной плотиной, по тоннелям должна была рваться к руслу Эрисцкали, где располагался машинный зал ГЭС.

Наша задача заключалась в оценке устойчивости стен тоннелей, в частности, методом сейсморазведки. Суть его в том, что по скорости и амплитудам колебаний, проходящих сквозь стенки, кровлю и подошву/пол туннеля от точки возбуждения до точки приема, оценивается трещиноватость и плотность этих горных пород и, соответственно, их устойчивость. Это в теории. На практике же точкой возбуждения было не место, где находилась наша инженер-оператор, весьма сексапильная экс-циркачка Лиза, а место, где кувалда в наших могучих руках соприкасалась со стенкой тоннеля или где подрывалась палка-другая взрывчатки (аммонита). Точкой же приема было место установки сейсмодатчика.

В зависимости от условий их размещали либо в неглубокой скважине (шпуре), либо впихивали в специальное углубление, которое выбивали методом пики и молота, то есть один держал в руках пику от отбойного молотка, а другой со всей дури лупил по ней кувалдой.

В один ужасный момент держать в руках пику выпало мне, а размахивать кувалдой – кряжистому Рафику Арутюняну, товарищу по многим странствиям студенческих лет. Он несколько промахнулся... и «точкой возбуждения» стала не стенка штольни, а мой указательный палец. «Неправ ты, Рафик», – вежливо сказал я в соответствии с популярным в те годы анекдотом про электрика, на голову которого уронил молоток ученик-напарник.

Однако, как мудро заметил Екклезиаст, все проходит. Унялись и боль, и мат. Работу нужно было продолжать, соблюдая, однако, и некоторые гигиенические нормы. Палец обильно полили йодом, перемотали бинтом, изолентой, и получившуюся культю упаковали в презерватив, которых у нас в машине всегда была полная кастрюля. Не для плотских утех, а исключительно в целях научной и инженерной практики. Нежным сейсмодатчикам нужна надежная защита от агрессивной шахтной воды. А толщина отечественных «резинотехнических изделий» (так они назывались) была такова, что советские люди могли выносить на демонстрации плакат «Да здравствуют советские презервативы – са-

мые толстые презервативы в мире!»¹³. В обед мы выбрались из штольни и пошли в столовую. Оплатив в кассе обед, я водрузил чек на обтянутый презервативом палец, просунул их (чек и палец) в раздаточное окошко. Истошный визг, поварахи, выскочившие с половниками и ножами из кухни в зал, и дружный хохот интернациональной команды строителей сполна возместили мне страдания того дня.

Тогда же я стал яснее понимать суть СССР как некой «инверсной империи», где не центр живет за счет окраин, а окраины вовсю эксплуатируют центр.

Всё, что Грузии было нужно, она получала по фиксированным и заниженным расценкам: энергоресурсы и образование, пшеницу и транспортные услуги. А вот свою «солнечную ренту» – овощи, фрукты, пляжи и вина – продавала по свободным рыночным ценам. То же самое было свойственно и другим союзным республикам, которые жили много лучше Центральной России, но потихоньку роптали (и, кстати, лишь частично справедливо) на советское угнетение. Справедливо потому, что коммунистическое угнетение давило всех. Частично – потому, что в первую очередь и силь-

¹³ Производство в СССР подчинялось военным нуждам. Многие товары народного потребления выпускались в качестве побочной и малозначимой продукции на военных заводах, которые называли «оборонными». Производством презервативов занималась Баковская фабрика резинотехнических изделий, выпускавшая их под наименованием «Изделие № 2». Основным же, секретным «Изделием № 1» были противогазы. Легко представить поэтому материал советских презервативов. Но альтернативы не было, и за этим дефицитом охотилось все мужское население фертильного возраста.

нее всего – Россию. Позднее я стал внимательно изучать открытые бюджетные данные и убедился в том, что на душу населения Россия (не считая забалованной и в глазах остального СССР зажавшейся Москвы) платила в бюджет СССР больше, а получала из бюджета СССР меньше остальных 14 республик.

В памяти остались, конечно, и потрясающие красоты Грузии: Сванетия с царственной горой Ушба, живописные дороги и водопады, море, заполненное светящимся планктоном. Позднее я узнал и полюбил Грузию еще больше, побывав в Кахетии и Душети, Аджарии и Имеретии, Ахалцихе и Ахалкалаки, Южной Осетии и Абхазии.

Самые добрые воспоминания остались у меня об Эдике Григорьянце и Мише Ильине (эти двое, позавтракав и выкурив по сигарете, входили в море, уплывали и возвращались часов через пять-шесть), Мише Езерском и Павлике Гиргвлиани.

Эдик, человек необыкновенно компанейский, сердечный и отзывчивый, обладал дивным даром увлекать за собой детей и подростков в бесконечные байдарочные походы. Как своих, так и чужих. Дети, в том числе мои, его обожали. Он был свидетелем на нашей свадьбе. Увы, рано, в 2005 году ушел из жизни.

Дня на три удалось отскочить в Молдавию, город Оргеев на свадьбу нашего институтского друга Яши Кардунера. Веселье и непросыхание непринужденной еврейской свадьбы

в маленьком молдавском городке – тоже из ярких воспоминаний того времени. Много прошло лет, когда я снова оказался в Молдавии, но уже не в мирном Оргееве, а в Тирасполе и Бендерах, ошпаренных братоубийственной войной¹⁴.

Институтская учеба мерно катилась к завершению. Должен сказать, что, к моему удивлению, многие знания, полученные в те годы, мне впоследствии пригодились, за что особое спасибо преподавателям Валерию Ямщикову и Петру Тютюннику, Владимиру Именитову (в очаровательную дочку которого, Лену, я был в школе влюблен, как и все парни класса) и Готфриду Новику.

С двоюродным братом Андреем Зубовым и другом Алексеем Салминым ходили в походы по Каргопольскому краю – заповедному и прекрасному, с одной стороны, загадочно влекущему к себе Плесецкому космодрому – с другой, и обильно заставленному лагерными зонами – с третьей. Там однажды нас обчистил в плацкартном вагоне поезда Сыктывкар – Москва только что вышедший на волю мужичок, перед тем одолжившийся у нас кружкой для понятных целей. Поймав вора, пытался вбить в его голову мысль о порочности избранного пути, но был остановлен сердобольными женщинами. Сдал в линейный отдел милиции, а он оттуда сбежал. Все через пень-колоду. За неурядицы был вознагражден наблюдением забавной сцены на Вологодском вок-

¹⁴ Потом была армяно-азербайджанская, осетино-ингушская, осетино-грузинская, Первая чеченская войны...

зале: пожилой сухопарый человек с поразительно прямой осанкой твердой походкой подошел к аптечному киоску и купил пузырек одеколона «Шипр». Щедро набрызгал в оба парусиновых ботинка, выпил остаток, но не до конца. Предложил последнюю четверть флакона женщине поблизости. Та испуганно отшатнулась, а он, пожав плечами: мол, ну как знаешь, допил, вышел в центр вестибюля и стал громко называть «г...м» одного за другим всех руководителей коммунистической партии и советского государства, от Сталина до Брежнева. Пытавшихся урезонить его молоденьких милиционеров отшил жестко: «Кого запугать хотите?! Старого зека?! Я сидел при Ягоде, Ежове, Бериин, Серове, Шелепине, Андропове. Все они – г...о!» Народ, конечно, вслух не поддерживал, но в душе одобрял – видно было.

За студенческие и последующие годы по стране поколесил немало. Таймыр, Кемеровская, Магаданская, Свердловская, Иркутская и Челябинская области, Чукотка, Хабаровский край, Бурятия, Казахстан, Армения, Азербайджан, Нагорный Карабах, Грузия, Молдавия, Украина, Узбекистан, Белоруссия, республики Прибалтики и, конечно, Центральная Россия... Неугомонными непоседами были и мои родители, срывавшиеся каждое лето на стареньком «Москвиче-403» в путешествия. Самое памятное – пробег с транспарантом на лобовом стекле: Москва – Минск – Вильнюс – Рига – Таллин – Ленинград – Москва.

Увиденное в эти годы могло остудить романтизм любого

адепта системы: нищета и взяточничество, пустые полки магазинов и полное равнодушие народа к официальной пропаганде, абсолютная оторванность властей от народа, приписки и воровство. Везде очереди, отсутствие самого элементарного, продуктов питания, даже детского. И, конечно, пьянство. Пил народ в полном смысле слова до изумления, до потери ума, штанов, до смертного боя.

Самые же главные впечатления сводились к двум тезисам. Первый: гибель коммунистической плановой экономики и, следовательно, политической системы – неизбежна. Стройки, заброшенные на середине работы. Станки, годами ржавеющие на улице. Неспособность к внедрению новых идей (при том, что на предприятиях существовали БРИЗы – бюро рационализаторов и изобретателей). Абсолютно нерациональное сельское хозяйство – с громадными потерями и без того небольших урожаев. Система распределения товаров, в которой деньги почти не играли роли, а значение имели только связи с директорами магазинов, продовольственных и промтоварных баз и вытекающее из них умение «доставать» мясо, импортную одежду, мебель и т. п.

Второй: СССР – исторически, этнически, культурно – настолько неоднороден, что распад его неизбежен.

А везде и всюду плакаты и лозунги: «Планы партии – планы народа», «Коммунизм – это молодость мира, и его возводит молодым», «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи». Я, читая эти лозунги, воспринимал знак «—» не как ти-

ре, а как математический минус.

Зреют гроздья гнева

Третий случай моей общественной активности как преддверие будущей политической жизни приходится уже на период послеинститутской работы в Академии наук, в Секторе физико-технических горных проблем Института физики Земли (ИФЗ). Вообще-то хотел сначала в закрытый Акустический институт, который занимался в основном проблемами, связанными с военными задачами в области гидролокации и передачи сигналов под водой. Но что-то не срослось. Думаю, поскольку институт был режимный, поизучали там мою персону внимательно и о настроениях моих неконформистских узнали. А может, просто кого-то другого нашли. И уже второй раз судьба меня решительно повернула. От звезд и океанов – под грешную землю.

Наш сектор в ИФЗ был «белой вороной», скопищем специалистов-прикладников. Позднее, в 1977 году, его руководитель академик Николай Васильевич Мельников добился создания на базе сектора отдельного Института проблем комплексного освоения недр АН СССР (ИПКОН). Поиск названия для института Мельников сделал предметом конкурса. Вариантов было много, а выиграл его собственный. Тут-то и обнаружилось в словаре Даля значение слова «недра» как главного женского детородного органа. Поставленную руководством задачу его комплексного освоения коллектив

института, особенно его молодежная часть, воспринял с энтузиазмом, творчески и дисциплинированно...

Лабораторию проблем горного давления, в которую меня приняли на должность младшего научного сотрудника, возглавлял профессор Сергей Васильевич Кузнецов. Участник Великой Отечественной войны, крупный ученый-геомеханик, он обладал острым умом, мгновенно и очень точно оценивал самые разные события и процессы, включая и выходящие далеко за пределы его специальности. Свойственное ему свободомыслие определило подбор сотрудников: в лаборатории (уникальное явление для нашей страны того времени) вскоре не осталось ни одного коммуниста, кроме секретарши. За исключением самого заведующего лабораторией и доктора технических наук Сергея Васильевича Ветрова, сотрудники были молоды, конца сороковых – начала пятидесятих годов рождения: Владимир Одинцев, Виталий Трофимов, Николай Осипенко, Михаил Слоним, Вячеслав Бобин, Маргарита Помаскина и Светлана Трумбачева.

Основная задача – изучение геомеханических и геофизических процессов, связанных с горными ударами и внезапными выбросами угля и газа на глубоких рудниках и шахтах. Объекты – рудники Талнаха и Северо-Уральска, Джезказгана и Зангезура, угольные шахты Украины, Сибири и Казахстана. Эта проблема усугублялась с каждым годом, поскольку за рудой и углем приходится идти на все большие глубины. И хотя успехов в управлении горным давлением и в

прогнозировании горнодинамических явлений (горные удары, обрушения, выбросы угля и газа) достигнуто немало, мы по-прежнему яснее видим, что происходит в десятках миллиардах километров в космосе, чем в километре под землей.

Значительная часть времени проходила в экспедициях и командировках, так что жизнь глубинки мы знали не понаслышке. Ну а когда собирались в Москве, то проводили вместе многие вечера и выходные. Под гитару и водочку говорили и о работе, и о политике. При том, что по многим вопросам иногда расходились радикально (так, ввод советских войск в Афганистан большинство моих коллег готовы были поддержать), беседы велись совершенно свободно и были хорошей интеллектуальной гимнастикой.

Однажды в гостях у Миши Слонима я познакомился с его соседкой Ирой Давыдовой. Она привела с собой красавицу подругу, ее звали Юля Гордеева. Наши отношения быстро переросли во взаимную влюбленность. В то время многие наши знакомые то и дело разводились. Насмотревшись на это, мы договорились пожениться на год. Юля Гордеева стала Юлей Савостьяновой. И длится эта «женитьба на год» до сих пор.

Семья наша приросла двумя малышами – Кириллом (1980 год) и Алексеем (1984 год). Хорошие ребята, замечательные сыновья, радуют нас. Уже и сами стали папами: их жены, Кристина и Таня, родили нам внуков и внучку. Их имена – Дмитрий, Евгений и София-Эмили – самая сла-

достная музыка в наших сердцах.

Если учесть мои частые командировки, вся забота о детях, в целом о доме лежала, конечно, на Юлиных плечах. Она ведь еще и работала! Если бы не бабушки Ирина Евгеньевна и Надежда Константиновна – не знаю, как бы мы справились.

А в это время происходили события, позволившие с большой точностью оценить близкое будущее страны. Становилось очевидным, что присущая социалистической системе черта – стремиться ТРАТИТЬ (как тогда говорили, «осваивать») деньги, а не ЗАРАБАТЫВАТЬ их, – неминуемо приведет к скорому краху. Анализируя рост объемов неустановленного оборудования, незавершенного строительства, вкладов населения, не обеспеченных товарами, пришел к еще одному выводу: скрытая инфляция в стране составляет 7 % и постоянно растет с попыток экономической реформы 1965–1970 годов, которую инициировали тогда премьер-министр Алексей Косыгин и его экономический советник Евсей Либерман. Много позднее ЦЭМИ (Центральный экономико-математический институт) дал свою оценку: 6 %.

Очевидными были снижение производительности труда, фондоотдачи и других базовых показателей. Но более всего бросалось в глаза нарастающее технологическое отставание. Когда мы смотрели иностранные профильные журналы, вроде *The Mining Magazine*, то видели, насколько отстает наша промышленность, наша повседневная жизнь практиче-

ски по всем направлениям. Помню очерк инженеров из Южно-Африканской Республики о поездке в СССР. В магазинах их потрясли счеты – диковинный, первобытный для них инструмент. Дело было году в 79-м или позже. Вообще-то даже в Москве их можно было увидеть еще и в середине 90-х. Иностранцев счеты и то, как продавщицы ими бойко пользовались, привели в экстаз.

Помню изумленные лица норвежских коллег во время встречи с ректором МГИ Владимиром Ржевским, когда он им объяснял (а я переводил), что в Западной Германии выпускают всего 9 горных инженеров в год, а в СССР – тысячи. И не беда, что многие все равно потом работают шахтерами: шахтер с высшим образованием рубит уголь лучше. Несчастные норвежцы не могли понять, почему мы так незамысловато шутим. Что это не шутка, им и в голову не приходило.

Открытие колоссальных нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири в начале 60-х продлило агонию коммунистического эксперимента на 10–15 лет. В руководстве СССР спорили: инвестировать ли столько, сколько нужно, чтобы обеспечить нефтью СССР и страны соцлагеря, плюс еще немного для импорта оборудования, или затянуть пояса, залезть в долги и сильно вложиться в добычу, чтобы потом покупать все, что душа пожелает. Выбрали второй вариант. Так страна села на нефтяную иглу. Деньги от продажи нефти и газа за рубеж позволяли закупать продукты питания, одежду и бытовую технику. Эти блага доставались не всем,

в основном москвичам, но поддерживать определенную стабильность помогали¹⁵. Заверения Никиты Хрущева, возглавлявшего государство в 1957–1964 годах, что к 1980 году в стране будет создана экономическая основа коммунизма, с приближением к этому самому 1980 году стали темой бесчисленных анекдотов.

Решающим эпизодом для понимания того, что должно произойти со страной в ближайшем будущем, стал для меня и моих коллег семинар, состоявшийся в первой половине 80-х годов. К нам в лабораторию прибыли несколько сотрудников одного из крупнейших нефтедобывающих объединений страны из Тюменской области. Они объяснили нам ситуацию. Партийные съезды дают задание добывать ежегодно по 620–640 миллионов тонн. Столь интенсивная эксплуатация губительна для скважин: они стремительно парафинировались, пласты обводнялись, их отдача падала до 25 % и ниже. Чтобы компенсировать потери из-за выбывающих скважин, приходилось вводить новые, уходя все дальше на Север. Соответственно росли затраты.

Обсудив возможные аспекты нашего участия в решении проблемы (речь шла об отработке методов повышения нефтеотдачи пластов, в частности, за счет их гидроразрыва¹⁶,

¹⁵ Аналогии с устройством экономики и социальной системы России начала XXI века прямые. Только в советские времена в Москве принудительно концентрировались товары, а при государственном капитализме – денежные потоки, в том числе за счет забранных у регионов налогов.

¹⁶ Через тридцать лет американский нефтяник Джордж Фиdias Митчелл ис-

внедрение которого в США так сильно ударило по нашей экономике через тридцать лет), мы после отъезда гостей собрались попить чайку и, посмотрев друг на друга, чуть ли не хором сказали: «Все, теперь коммунистам п... ц».

Сугубо техническая, как могло показаться, проблема убедила нас, что надвигаются колоссальные по своим масштабам перемены.

Огромные культурные различия и нараставшая межнациональная напряженность делали очевидным и другой вывод: после краха репрессивной коммунистической власти распадется и Советский Союз. Неясными оставались формы и сроки...

Народ молчал и, на взгляд поверхностный, сторонний, даже был согласен с существующими порядками – из страха перед репрессивной машиной КГБ, Комитета государственной безопасности. Люди по разнарядке выходили на демонстрации, голосовали на собраниях, осуждали инакомыслящих, критиковали страны демократии и свободного рынка, и – молчали... Молчали о пустых прилавках, о злоупотреблениях начальства, о всевластии партийно-советского чиновничьего аппарата. О гибнущих в Афганистане. Наконец, о нежелании жить в нищете.

Но сквозь молчание уже прорывалось недовольство, воз-

пользовал гидроразрыв, разработанный в СССР при участии С. Кузнецова и его учителя С. Христиановича, создав технологию добычи нефти и газа из сланцевых пород. И перевернул нефтяной и газовый рынок мира – США вышли на первое место в мире.

мушение в разговорах между своими, близкими, друзьями – за столом, в курилках, у шахтного ствола в ожидании клетки на-гора, в бесконечных очередях. И внимательный наблюдатель понимал – зреют гроздь гнева.

Пятилетка пышных похорон

Государство предписывало своим гражданам жить пятилетками.

Раз в пять лет собирались помпезные съезды коммунистической партии, на которых часами шли отчеты об успехах (как правило, мнимых), делегаты убеждали себя в неизбежности загнивания капитализма и, соответственно, победы социализма. Многие из них делали это вполне искренне: отсеченные от правдивой информации, не имевшие в массе своей возможности выезжать в капиталистические страны и своими глазами увидеть и оценить жизнь этих стран, советские люди («хомо советикус») становились легкой жертвой пропагандистских манипуляций.

Раз в пять лет составлялись очередные планы развития народного хозяйства, хронически не выполнявшиеся. Над ними работали министерства, предприятия, научно-исследовательские институты. Причем если в отдельных конкретных случаях от планов была немалая польза, то совокупный эффект оказывался неизменно обратным.

Замыслив взбодрить народ, стали придумывать названия годам пятилетки: «год открывающий», «год определяющий», «год завершающий» и т. п. Пресса и идеологические структуры с восторгом повторяли эти глупости, а народ смеялся... и плакал: по приказу этих м...ков в нищающую стра-

ну все шли и шли гробы из Афгана.

Начало очередного отсчета пришлось на 1980 год.

Высшее руководство страны представляло собой постыдное зрелище впавшего в маразм скопления престарелых людей. Их портреты подмалевывались, их речам и действиям пытались придать многозначительность и мудрость, но откровенная ахинея, которую они несли, и полное незнание жизни, которое они демонстрировали, ничего, кроме отвращения, вызвать не могли. В 1981 году я высчитал соответствующую дату, к которой подготовил телеграмму:

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС. ПОЗДРАВЛЯЮ С КОЛЛЕКТИВНЫМ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕМ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ.

Напомню: членами Политбюро ЦК КПСС, то есть высшего руководства коммунистической партии и, соответственно, всего государства, в те годы были 13 человек. Средний возраст – более 70 лет.

Возможно, я бы побоялся прийти в отделение связи с такой телеграммой. А отнес бы – не приняли.

Анекдоты, однако, сочиняли, и одной из расхожих шуток 1980 года стала байка-предвидение: «Как будет называться очередная пятилетка?». Ответ – «ППП, Пятилетка Пышных Похорон».

Наступил 1982 год, а с ним пришла «геронтологическая демократия» – последовательная, одна за другой, смерть старцев обеспечивала относительное обновление руковод-

ства. В течение года покинули этот мир такие мастодонты, как члены политбюро главный идеолог страны Михаил Суслов, председатель комитета партийного контроля Арвид Пельше, министр обороны Дмитрий Устинов (я потом занимал кабинеты Устинова и Суслова на Старой площади).

В начале ноября мы вместе с Виталием Трофимовым на институтской автобазе в поселке Долгое-Ледово занимались зимней консервацией автомобиля-лаборатории ГАЗ-66, на котором недавно вернулись из экспедиционных работ в Джезказгане. Попами к небу, все в масле, мы не заметили, как подошел главный механик автобазы Шабанов и с лицом скорбным, но неискренним, сказал: «Вот, ребята, какое несчастье-то случилось».

«Кто разбился?» – спросили мы. Какое еще несчастье может быть в автоколонне?

«Умер Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев», – сказал механик. «Да и х... с ним», – дружно сказали мы с Виталием и нырнули под кабину. Шабанов тут же сделал лицо беспечное (впрочем, столь же неискреннее) и сказал: «А и правда, нам-то какое до него дело». Примерно так же отреагировала страна – с официальной скорбью, но искренним безразличием. Только жалко было, что отменили всенародно любимый концерт по случаю Дня милиции: в нем часто пела Алла Пугачева – великолепная певица и незаурядная личность.

Первый же сменщик вечного генсека (Брежнев правил

страной 18 лет, второй после Сталина срок правления в СССР) Юрий Андропов изрядно нас повеселил. За этим старцем, полтора десятка лет возглавлявшим КГБ, претендовавшим на репутацию одновременно и либерала, и беспощадной метлы, и государственника, и поэта, народная молва числила глубинное знание всего и вся, включая положение дел в стране. Но уже в первом своем публичном выступлении он заявил: «У меня нет готовых рецептов... Мы не знаем страны, в которой живем». На следующий день мы хохотали: если ты не знаешь ни того, ни другого, какого же черта ты, парень, взялся страной управлять? Судя по дальнейшим событиям, найти ответа на сакральные вопросы генсек не успел. Народу запомнился тем, что выпустил дешевую водку, «андроповку». Втянул рассыпающуюся советскую экономику в новый виток гонки вооружений, разместил ракеты средней дальности (СС-20 по натовской классификации) в восточноевропейских сателлитах Советского Союза, на что НАТО ответило развертыванием «Першингов» с подлетным до Москвы временем 5–7 минут. Обеспечил, гад Юра, безопасность! Расправился с коррумпированным руководством МВД и семьей предшественника, Брежнева. Провел силами милиции кампанию по отлову прогульщиков в парикмахерских, кинотеатрах, банях. В декабре 1983 года на очередном пленуме ЦК товарищи по партии, ошарашенно глядя на пустую трибуну, слушали текст его обращения: «В силу временных причин я среди вас от-

сутствую». И умер.

Ему наследовала и вовсе странная личность. Совсем уже бессильный и бесполезный Константин Черненко, бывший заведующий Общим отделом ЦК КПСС, человек, который всю жизнь провел за столом в интригах и прислуживании начальству. Его избрание на пост № 1 можно объяснить лишь беспринципной борьбой в руководстве, когда все думали только о благополучии собственного клана (забегая вперед, отмечу, что сюжет этот повторился в 1999 и 2008 годах). Черненко запомнился стране лишь по одному эпизоду, когда в ходе псевдопредвыборной кампании его поднесли к телекамере и он, очевидно уже ничего не понимая, сказал еле-еле: «Хорошо». И умер.

Была весна 1985 года. Итогом очередной схватки за власть стало появление на посту генсека относительно молодого (ему было 54 года) и уж безусловно здорового и вменяемого Михаила Горбачёва.

Тем временем ситуация в стране и вокруг быстро ухудшалась. Падение цен на нефть, обусловленное согласованными действиями президента США Рональда Рейгана и короля Саудовской Аравии (второй по просьбе первого приказал резко нарастить экспорт дешевой нефти) вынудило сократить закупки за рубежом товаров массового спроса, необходимых технологий и оборудования, были заморожены многие стройки. Быстро стал расти «денежный навес», деньги на руках граждан, не обеспеченные товарами, – специфиче-

ская форма инфляции в странах с административно-командной системой экономики.

Вдобавок, как показали голосования в ООН по поводу вторжения Советского Союза в Афганистан, СССР впервые в истории лишился поддержки всех без исключения ведущих стран мира. Да и подвластные восточноевропейские народы стали выходить из повиновения. Избрание Папой Римским поляка Кароля Войтылы (Иоанн-Павел II) дало мощный импульс освободительному движению в Польше. Нарастало брожение в Восточной Германии, Чехословакии и Венгрии. «Социалистический лагерь» трещал по швам. Но он не мог бы освободиться от власти коммунистов без прогрессирующего внутреннего разложения руководства СССР. С конца 70-х годов это разложение стало вполне очевидным. Деграция, лживость, лицемерие и коррумпированность верхушки, полное отсутствие идей, как вывести страну из позорного состояния «Верхней Вольты с ракетами», бессмысленная афганская война. И... повальное пьянство населения.

Молодой Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачёв вызывал симпатию. Он говорил не по бумажке. Он мог улыбнуться и пошутить. В общем, не было стыдно, что он возглавляет государство. Всего лишь 15 лет спустя (господи, всего 15 лет!) те же чувства испытывало большинство людей уже в другой стране, Российской Федерации, когда всем надоевшего и неадекватного Бориса Ельцина сменил на посту

президента России энергичный и спортивный Владимир Путин.

Горбачёв искал пути спасения от надвигавшейся катастрофы. Постепенно становилось очевидно, что новое руководство страны взяло курс на возрождение в Советском Союзе многих элементов так называемого НЭПа (новой экономической политики), осуществлявшегося большевиками в 1922–1928 годах. Смысл состоял в том, чтобы, при сохранении коммунистами полного политического контроля, дать возможность в ограниченных рамках развиваться квазикапиталистическим рыночным отношениям. Правила этого квазикапитализма писались советской номенклатурой в собственных интересах.

Под эгидой комсомола возникло движение ЦНТТМ (центров научно-технического творчества молодежи). Его идеологи, организаторы и вдохновители Иосиф Орджоникидзе и Вячеслав Копьев, с которыми позднее мне довелось близко познакомиться и работать, пробили для ЦНТТМ особый экономический режим, что позволило им вести достаточно свободную хозяйственную деятельность, реализуя свои услуги по договорным ценам. Они, а также возникшие и стремительно пошедшие в рост многочисленные кооперативы, обеспечили перетекание материальных ценностей из госсектора фактически в частный сектор экономики в колоссальных объемах.

Схема перетока – стандартная. Руководитель госпред-

приятия (нередко – родственник) передавал руководителю ЦНТТМ сырье, оборудование, отходы производства по фиксированным низким государственным ценам. ЦНТТМ перепродавал их другому госпредприятию уже по свободным ценам, как правило, в несколько раз превышавшим государственные. В кооперативах схема была чуть-чуть другой, но везде – обоюдный коммерческий интерес, взятка, которая передавалась руководителю госпредприятия (сейчас это называется откатом).

Формально общий замысел ЦНТТМ был в том, чтобы стимулировать научный поиск молодых ученых, сняв бюрократические барьеры и сведя напрямую заказчиков исследований и исполнителей на принципах свободного ценообразования. Частично идея сработала. Но эластичные формулировки положения о ЦНТТМ открыли им путь к посредническим операциям, к быстрому обогащению узкого круга молодых предпринимателей, назначенных (часто) их папами – руководителями предприятий. В нашей научной среде популярной формой работы было заключение хоздоговоров по тематике, близкой к основному направлению исследований, что позволяло процентов на 30–50 повысить заработную плату. Но самым предприимчивым это позволяло начать свой первый, по тем временам нешуточный бизнес. Так, однажды ко мне пришел молодой сотрудник «Гидропроекта» Миша Рудяк, взявший у нас в аренду акустический прибор «Гроза-4», под который нашел несколько выгодных за-

казов (в этом качестве – практическое обучение маркетингу первых советских бизнесменов – ЦНТТМ себя оправдали). С этого начался бизнес будущего миллиардера, основателя и владельца «Ингеокома» Михаила Рудяка, так рано и нелепо ушедшего из жизни.

Народ все понимал. Понимал избранность допущенных к «кормушке», молчал и пропитывался циничной отстраненностью.

На мой взгляд, это наша историческая традиция: столетиями власть презирает народ, а народ это терпит – смиренно, покорно, безгласно. А потом ... Раньше за этим мог быть «русский бунт». Но это всегда был бунт вольных людей, казаков. Кончилась казачья вольница – кончились и бунты. Только когда в верхах раскол, накопившаяся ненависть низов находит выход. Потому-то никогда власти у нас не могут опереться на народ – только на силовой аппарат. А бунт у нас – всегда «на коленях».

Россияне традиционно равнодушны к тому, что называется гражданскими и политическими правами. Дай хлеба и зрелищ, казни бояр да не глумись чересчур открыто – и будешь популярным и любимым руководителем. Не сможешь дать – не обессудь.

На излете коммунистического правления это уравнивание равновесия все стремительнее рассыпалось. Пропадали из официальной продажи основные товары – от детского питания до швейных иголок, гвоздей и бензина, не говоря уже

о мясе и рыбе. Все можно было купить на легальных и нелегальных рынках, но по другим, в 2–4 раза более высоким ценам. Провалы экономической политики власть стремилась компенсировать идеологическим запечатыванием общества. Картина до смешного стала повторяться после 2014 года, когда сырьевое благоденствие перестало обеспечивать видимое благополучие путинской экономики, а «бояр» больше не наказывали.

Из Афганистана все шли гробы. Гробы замалчивали, калек игнорировали («не я вас в Афган посылал, не с меня и спрос» – таким был обычный ответ на законные просьбы о законных льготах). И тут уже забеспокоилась российская глубинка (на войну из столиц меньше отправляли), старшее поколение, десятилетиями жившее по принципу: «Все стерпим, лишь бы не было войны». Ситуация поменялась примерно в 1984 году, когда США стали поставлять исламским борцам с советской оккупацией современное стрелковое оружие, минометы, гранатометы и – главное – переносные зенитно-ракетные комплексы «Стингер»¹⁷. Они сбивали наших «Грачей» и «Крокодилов» (штурмовики СУ-25 и вертолеты Ми-24), которым пришлось работать с больших высот в ущерб эффективности.

Итак – ни хлеба, ни зрелищ. А тут еще всех шарахнуло

¹⁷ Позднее я познакомился с активным участником этой операции – конгрессменом от штата Калифорния Даной Рорабахером, ставшим после краха коммунизма одним из видных сторонников улучшения американо-российских отношений.

«сухим законом» – правильным по замыслу, но бездарным по исполнению.

И в верхах нарастал раскол. То ли менять курс? То ли держаться до последнего? Возникли очевидные противоречия между коммунистами-говорунами (номенклатура идеологического и организационного отделов ЦК КПСС) и коммунистами-хозяйственниками (номенклатура промышленных, сельскохозяйственного и строительного отделов). Через 10 лет, в начале 90-х, кадровым итогом нашей революции стал переход власти от первых ко вторым, повернувший перестройку, как они думали, в своих интересах.

Так и получилось, что почти весь комплекс объективных условий для революции в России тех лет был налицо:

- часть «верхов» видела, что управлять страной по-старому нельзя;

- молодежь, среднее и часть старшего поколений согласны были, что «так жить нельзя»¹⁸.

Замечу, что не классовый, а именно поколенческий перелом играет ключевую роль в революции. В обычной ситуации среднее поколение – балансир консерватизма стариков и революционности молодежи. Когда и если среднее поколение тоже требует радикальных перемен – считай, ситуация созрела. Особенно этому способствуют сдвиги в технологиях, которые старшее поколение уже не может усвоить в пол-

¹⁸ Название прогремевшего в 1990 году фильма режиссера и актера С. Говорухина о невыносимости советско-коммунистического бытия.

ном объеме, войны и падение уровня жизни. К середине 80-х все эти обстоятельства в СССР были налицо.

Не хватало одного – того, что Ленин назвал «субъективным фактором революции», организованного политического движения, в этот раз по иронии судьбы уже антикоммунистического. Да и откуда ему было взяться в стране, где 72 года существовал неограниченный диктат одной группировки – коммунистов, десятилетиями выкорчевывавших инакомыслие и инакомыслящих¹⁹. За неимением организованной политической оппозиции в 1989 году такое объединение предстояло создать. И случилось, что жизнь швырнула меня самым неожиданным и причудливым образом в самую гущу формирования и деятельности организованного антикоммунистического движения.

¹⁹ С 2014 года на фоне событий в Крыму и Украине к несогласным с самых высоких трибун снова стали обращаться как к «пятой колонне», «национал-предателям», «врагам народа». Куда же это мы пришли?!

До 1991 года

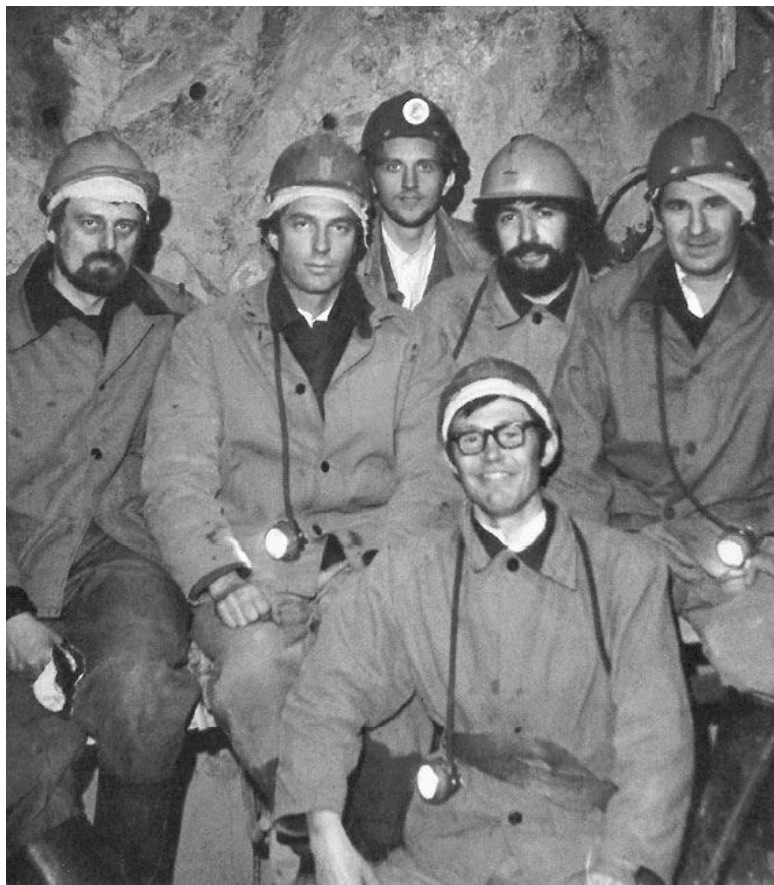
Большая часть фотографий, которые я отобрал для этой книги, хранится в моем семейном архиве. Мне хотелось, чтобы читатели увидели приметы времени, о котором пишу, важные для меня события и людей, с которыми свела судьба. Фотовклады выстроены по хронологии – с начала 80-х и до нынешнего времени.



*Профессию я осваивал в разных точках большой страны.
Начинал на добыче карагандинского угля в 1970-м*



На «Норильский никель» попал в 1975-м



На Таштагольское железорудное месторождение в Кемеровскую область ездил многократно. Первый раз – в 1981-

м. С тех пор летал туда регулярно



Наша с Юлей свадьба. И вот уже 45 лет вместе



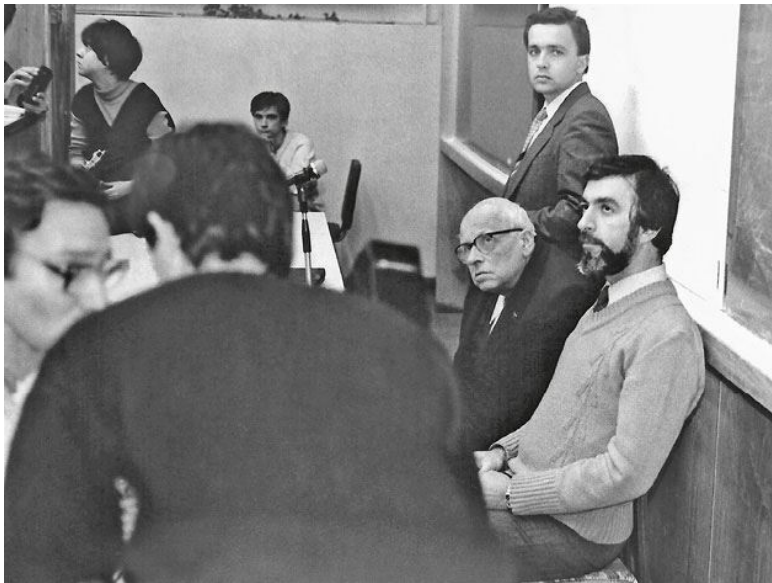
Первая в СССР легальная оппозиция – Межрегиональная депутатская группа, которую создали народные депутаты СССР



Митинг в поддержку кандидата в народные депутаты Бориса Ельцина и других демократических депутатов. 25 марта 1989 года. Москва



Политическая жизнь в 1989 году была захватывающей. Именно тогда я познакомился со многими политиками новой волны. Среди них будущий мэр Москвы Гавриил Попов



А это мы с Андреем Дмитриевичем Сахаровым на встрече со студентами МГУ



*В свободное от политики время, очень редкое в те годы.
На даче в Подмосковье*

Глава 2. Начало революции «снизу». Сахаров. Съезд

Первые шаги на сцену

В те годы я переоценил коммунистов, считал, что они перед окончательным крахом устроят в стране репрессии, ликвидацию предпринимателей, что новый НЭП закончится так же, как и тот, первый. Что «китайская модель» неизбежно накапливает такие несоответствия тоталитарно-коммунистической политической системы и либерального рыночного экономического уклада, что гражданская война в том или ином виде будет неизбежна, и в ней на короткий срок одержат верх коммунисты²⁰.

По этой ли причине, потому ли, что сказывалось семейное воспитание в достаточно консервативном стиле («торгашество» считалось дома неприличным, хотя именно оптовая торговля выделанной кожей позволила в конце XIX века моему прадеду Хачатуру Тер-Хачатуряну подняться из бедности), а может, потому, что для столь серьезного поворо-

²⁰ Оценка оказалась точной во всем, кроме одного: разложившийся коммунистический режим бесславно проиграл в дни августовского путча 1991 года. Посмотрим, как-то будет все в Китае. Предчувствия нехорошие...

та у меня не доставало решимости, но в общем, период 86–88 годов я «проспал на печи».

Впрочем, не совсем.

Кажется, в 1988 году наш спокойный и неприметный академический институт, занимавший типовое школьное здание в Крюковском тупике Москвы, аккуратно посередине между роддомом и Введенским кладбищем²¹ (вся жизнь, от рождения до смерти – как на ладони, пошучивали мы), вдруг оказался в центре громкого скандала.

В газете «Московские новости» вышла статья журналистки Евгении Альбац, главным героем которой стал ведущий научный сотрудник нашего института Владимир Боярский, руководивший сектором истории горного дела, то есть, говоря без обиняков, околачивавший груши известным в фольклоре местом. Мужчина преклонных лет, силившийся нравиться женщинам, он красил волосы, отпускал незамысловатые комплименты и пытался слыть институтским душкой и бонвиваном. В общем, безобиднейший человек, приятный во всех отношениях. Иногда, правда, кто-нибудь из старшего поколения, выученного жизнью помалкивать и посмеиваться, как-то, междометием, или паузой, или невнятным жестом позволял себе поставить милейшего Боярского рядышком с другим сотрудником Института – товарищем Васиным,

²¹ Это была окраинная, «похоронная» часть Немецкой, позднее – Лефортовской слободы, устроенной царем Алексеем Михайловичем, отцом Петра Первого.

про которого уж доподлинно было известно, что занимал он высокий пост в комендатуре Норильлага²², едва ли не руководил тамошней лютой энкавэдэшной ВОХРой (охраной), и представлен был в этом качестве личным фото в Краеведческом музее Норильска у остановки «Нулевой пикет». Сам видел.

Про Боярского, как, впрочем, и про некоторых других сотрудников института, невнятный шорох ползал по коридорам. Хотя про давние тесные связи цветной металлургии, угольной промышленности и НКВД мы знали. «Органы», как было принято называть систему коммунистических спецслужб (ВЧК-ГПУ-НКВД-МГБ-КГБ), не только заправляли гулаговскими шахтами и заводами, но и снабжали конструкторские бюро выкраденными на Западе технологическими наработками, организовывали особые тюрьмы-«шарашки», куда отправляли арестованных и осужденных ученых, специалистов, а шеф спецслужб Лаврентий Берия курировал одновременно и горную промышленность.

И вот из статьи Евгении Альбац мы узнаем, что «душка и бонвиван» Боярский в тридцатые годы был начальником следственной части управления НКВД по Северной Осе-

²² Норильлаг (Норильское управление ГУЛАГа) был создан в 1930-е годы для разработки сначала угольных копей в интересах Северного морского пароходства, а потом – медно-никелевых руд, кстати, найденных экспедицией Н. Урванцева, в том же лагере и просидевшего затем вместе с женой 17 лет. Про руды известно было лет за триста до того. И знание это жило в народе волнующим неумными поморские и кержачьи души слухом о «Златокипящей Мангазее».

тии. Фальсифицировал уголовные дела по антисоветским заговорам, пытал до смерти людей: девушку, которая была одним из лидеров местного комсомола, повесил под ребра на крюк и, дожидаясь самоговора и оговора ее друзей, оставил висеть, пока она не умерла. Такой вот оказался «милый друг»...

А время было интересное – «Гласность, Ускорение, Перестройка». Феномен этих лозунгов-брендов (имелись даже известные во всем мире латинизированные термины-эквиваленты – Glasnost и Perestroyka) типичен для Горбачёва. Типичен в том, что задумывались они по-одному, начинались по-другому и быстро превращались уже в третье. Примерно в 1986 году он решил «перевернуть стол» – видя, что его экономические реформы только усугубляют ситуацию, поставил на первое место реформы политические, дабы избавиться от привязки к закоснелой и малопригодной партийно-советской бюрократии. Так родились три главных заклипания (мема) тех лет: ГЛАСНОСТЬ, УСКОРЕНИЕ, ПЕРЕ-СТРОЙКА.

УСКОРЕНИЕ в момент своего рождения имело чисто функциональное предназначение, являясь составляющей частью формулы «УСКОРЕНИЕ научно-технического прогресса».

ПЕРЕ-СТРОЙКА была поначалу всего лишь «ПЕРЕ-СТРОЙКОЙ управления народным хозяйством».

И только ГЛАСНОСТЬ родилась именно как простейшая

форма свободы средств массовой информации после позорного скандала с попыткой замолчать ядерную катастрофу 26 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС, когда коммунисты выгоняли людей на Первомайские демонстрации под радиоактивные дожди. Газетам и телеканалам разрешили критиковать не отдельные события и факты, а явления, ставшие неотъемлемой частью партийного руководства.

Вот в рамках этой самой гласности и стала возможной публикация Альбац – злая, смелая, пробиравшая до костей приведенными деталями и не оставлявшая институтскому начальству ни малейших шансов на умолчание. В институте состоялось общее собрание с приглашением автора статьи. Обстановка была горячей. Точки зрения полярные: от «изгнать негодяя из наших дружных рядов» до «не вам, молодым, нас судить и оценивать».

Я и сам был удивлен, когда именно мое выступление подвело итог многочасовым дебатам. Я сказал: если все в статье правда, то сидеть надо Боярскому в тюрьме до конца дней своих, но доказать его вину может только законный суд, а не суд толпы. Иначе чем мы отличаемся от собраний сталинских времен, когда коллективы громили «врагов народа» по наущению газеты «Правда». Но что касается меня, то руки я Боярскому не подам и обходить его буду стороной.

К сожалению, было очевидно, что моей формулировке Боярский рад, а Альбац, хотя ее позиция мне абсолютно близка, не рада. Мерзавец уволился, но остался цел и невре-

дим.

Так состоялся мой первый выход на сцену. Почувствовал в себе умение определять настроения людей, и вообще некоторый вкус к публичности. На какое-то время эта тяга к реализации собственной точки зрения ушла в тень, чтобы потом вырваться на свободу в самый разгар либерально-демократической революции 88–93 годов.

КИАН, МОИ, МАДО

Все началось в поезде Таштагол-Новокузнецк в конце января 1989 года. В 1981 году наш институт начал работу на Таштагольском железорудном месторождении в Кемеровской области, в Горной Шории, на берегах реки Мрассу. Тогда для меня надолго стал привычным маршрут: в ночь самолетом на Новокузнецк, снова в ночь – поездом на Таштагол.

Читая газеты двух-трехдневной давности (пока привезут из Кемерово в Новокузнецк, из Новокузнецка – в Таштагол), в «Советской России» наткнулся на малюсенькую заметку. Президиум Академии наук СССР утвердил список кандидатов на Первый Съезд народных депутатов СССР²³ (далее – съезд), и в этот список не вошел недавно возвращенный из политической ссылки академик Андрей Сахаров.

Большого значения заметке я не придавал, подумав: «Ну

²³ Важнейшим шагом Горбачёва в попытке ослабить давление коммунистических консерваторов и сформировать зачатки народовластия в стране стал созыв им Первого съезда народных депутатов СССР, к которому должна была перейти значительная часть реальных властных полномочий. Чтобы не потерять контроль, половину из 2500 депутатов он решил избирать не народным голосованием, а делегировать от тех или иных групп, аппарат которых должен был обеспечить отбор только проверенных «товарищей». Так, от КПСС и профсоюзов делегировалось по 100 человек, от комсомола – 75, от Академии наук СССР – 25. Соответствующие законы были приняты 1 декабря 1988 года. Тогда никто не догадывался, что с этой даты начнется «революция снизу», революция масс, пришедшая на смену «белой революции», «революции сверху» Михаила Горбачёва.

и слава богу. Уж Сахаров-то должен избираться депутатом именно от народа, по первому, самому престижному, национально-территориальному округу, а не голосами какой-то академической курии».

Я понятия не имел, что с этой маленькой заметки начнется совсем иная жизнь.

Приехал из командировки как раз к дню рождения Юли, моей жены, услады глаз и души. Вечер получился, как всегда, веселым, шумным. В нашей квартире на Кооперативной улице возле метро «Спортивная» дым стоял коромыслом в прямом и в переносном смысле. Так что дальнейшее рассказываю со слов Юли – сам не помню.

В разгар застолья Игорь Галкин, ветеран антарктических экспедиций, популяризатор наук о Земле, бард и просто замечательный человек, начал меня укорять:

– Женька, как тебе не стыдно?

– А что случилось?

– Как вы в Академии могли Сахарова прокатить?

– Игорь, все нормально, Сахарова должен избрать народ, а не академики.

– Нет, Женька, это позор и бесстыдство! Для всех нас позор.

– Ладно, Игорь, исправлю, выберем Сахарова.

Вот так ляпнул и сразу забыл. А Юля – нет. Наутро спросила:

– А что это ты Игорю обещал Сахарова избрать на съезд?

Как ты это делать собираешься?

– Я обещал избрать Сахарова?!

– Обещал.

– Ну, раз обещал, что-нибудь придумаем...

Что Игорь и сам работал в академическом институте (Институте физики Земли) и к тому же, в отличие от меня, был в эти дни в Москве, не стало поводом для ревизии обязательств. Придя на следующий день на работу, исподволь, ненавязчиво и как бы между прочим начал узнавать, что за время моего отсутствия случилось в столице, как эти самые выборы проходят и с чем их едят.

Выяснились прелюбопытные детали. Оказывается, процедура многоступенчатая. Сначала кандидатов выдвигают трудовые коллективы институтов – тут, конечно, Сахаров был вне конкуренции и оставил по числу выдвижений далеко позади всех остальных.

Затем кандидатуры рассматриваются Президиумом Академии наук, который принимает решение о внесении этих кандидатур на рассмотрение общего собрания Академии – на этом этапе Сахарова и отсекли. И уже на общем собрании (то есть, по сути, всесоюзном съезде действительных членов Академии наук и членов-корреспондентов) осуществляется выбор депутатов съезда прямым тайным голосованием.

Но в эту стройную номенклатурно-партийную систему существенные изменения внес протест людей в СССР и за рубежом, возмущенных отстранением Сахарова. Испуганное

массовой манифестацией ученых, прошедшей во дворе старого здания Президиума Академии наук²⁴, руководство Академии по согласованию с соответствующими партийными инстанциями приняло решение, сыгравшее в моей жизни огромную роль. Суть: в собрании Академии наук СССР по выборам на Съезд народных депутатов будут участвовать с правом решающего голоса не только академики, но и выборщики – один-два от института в зависимости от его размера. На наш ИПКОН пришлось два выборщика.

Дело оставалось за малым – получить один из двух мандатов. Ничего себе задачка!

К счастью, стиль работы партийных органов был тогда незамысловат и шаблонен. Было ясно, что институтский партком с дирекцией должны отобрать двух проверенных, надежных товарищей, согласовать с руководством Академии наук и райкомом партии и внести их кандидатуры на голосование на общеинститутском собрании. Поговорив с коллегами, узнал, что вскоре состоится общее собрание трудового коллектива по какому-то формальному поводу. Предположил, что там-то этот вопрос и «подсунут» в последнюю минуту. Итак, ответы на вопросы «где?» и «когда?» найдены.

Оставался вопрос «как?»

²⁴ Некую пикантность и претензию на историческую аллегорию данному событию придавало то, что это одно из первых в стране демократическое выступление проходило на Ленинском проспекте у фонтана работы скульптора Джованни (Ивана) Витали, перемещенного с Лубянской площади ради установки памятника душегубу, председателю ВЧК Феликсу Дзержинскому.

Начинать сколачивать какую-то группу поддержки, своего рода предвыборную коалицию – значит засветиться и провалить все дело.

Мой основной козырь – фактор внезапности и использование настроений в коллективе, которые можно свести к формуле: надоело быть безгласным и бесправным стадом.

Поломав голову, нашел ответ: нужно выйти на выборы с программой. Такой ход обязательно привлечет внимание и с большой вероятностью даст возможность побороться за заветный мандат. Последующие вечера ушли на то, чтобы изложить на бумаге в виде программы размышления многих лет о характере необходимых преобразований. Текст получился вполне сносным и представлял собой проект наказа выборщикам от ИПКОН – чего требовать от будущих академических депутатов и кого из них поддерживать. Много в нем всего было – от приватизации собственности до вывода промышленных предприятий из столицы, от упразднения руководящей роли КПСС до реформы академического самоуправления.

И день настал.

Открывая собрание и объявляя его повестку, ведущий нарочито небрежно добавил: «Мы вот еще должны выбрать наших представителей на общее собрание Академии наук СССР по выборам депутатов Съезда СССР. Давайте это решим в части «Разное».

Оставалось скрыть нараставшее волнение и заставить за-

молчать противный голосок, нашептывавший: «Сиди, не выпендривайся. Дела у тебя пошли нормально, перспективы ясные, а начнешь болтать – не избежишь неприятностей»²⁵. Обычное «Чашу эту мимо пронеси» любого человека, когда надо решать: повернуться ли задом к совести и передом к практическим резонам.

Очень трудно устоять, не всегда удается – по себе знаю... Но здесь – ах, этот чудный возраст (39 лет!) – идеализма хватило.

Ведущий объявил последний пункт повестки дня: «Разное».

– Как вы знаете, товарищи, Президиум Академии наук принял решение об участии в общем собрании АН СССР по выборам депутатов от Академии на Съезд народных депутатов выборщиков от институтов. Нам надо избрать двух человек. Поступило предложение избрать...

И, конечно, называются фамилии сотрудников, безусловно, уважаемых и... благонадежных. Вроде бы, какие могут быть сомнения по поводу этих заслуженных людей. Потому – тишина.

– Другие предложения имеются? Нет?

²⁵ В это же время в моей карьере обозначилась новая перспектива. В попытке ускорить технологическую модернизацию власти приступили к созданию научно-учебных объединений на базе однопрофильных академических институтов и вузов. Первым таким объединением стал альянс ИПКОНа и моей alma mater, МГИ. А я стал ученым секретарем этого объединения, первым в СССР! Заниматься его делами мне практически не пришлось: политика затянула.

Вот тут я и поднял руку. В президиуме – растерянность, заминка. Глаза ведущего – в сторону. Но замолчать ситуацию не удастся: кто-то увидел и крикнул:

– У Савостьянова предложение!

Ведущий с лицом нерадостным, даже кислым пригласил:

– Пожалуйста, Евгений Вадимович.

«Гул затих. Я вышел на подмостки». Вот только косяка за спиной, чтобы прислониться и спину прикрыть, нет.

Что говорить, я знал и репетировал не раз.

– Мне кажется, что выбор делегатов-выборщиков от нашего института – вопрос вторичный. Ведь они должны представить нашу с вами точку зрения, какую позицию должны занимать депутаты от Академии наук на Съезде народных депутатов СССР по основным вопросам внешней и внутренней политики. Поэтому я предлагаю обсудить нечто вроде программы или наказа нашим делегатам – нашу точку зрения, которую они должны озвучить и отстаивать на общем собрании АН СССР.

И зачитал заранее подготовленный шестистраничный текст.

Эффект – подавляющий, гипнотический. Сам такого не ожидал. Но на этом заготовка была исчерпана. Резервов не осталось. Все могло превратиться в фарс или в фарш.

И тут из зала, сначала нерешительно и негромко, а потом по нарастающей:

– Савостьянова, Савостьянова в делегаты!

Пошли новые кандидаты в список, предложенный парткомом. Голосование уже – не по системе «руки вверх», а альтернативное, значит – осмысленное. Короче, прошел «на ура», с подавляющим превосходством. Вторым выборщиком оказался один из самых талантливых ученых нашего института – Валентин Чантурия, ставший позднее директором ИПКОНа.

Итак, задачу решил. Вечером отправился в гости к брату и другу Андрею Зубову, уже тогда известному историку и политологу. Рассказал о произошедшем и о дальнейших своих планах по продвижению академика Сахарова в депутаты. Брат незадолго до того ездил в Армению и Азербайджан в составе делегации во главе с Андреем Дмитриевичем Сахаровым и Галиной Васильевной Старовойтовой (впоследствии народным депутатом СССР, известным политиком-демократом).

Мы решили: особого смысла во всем этом нет, поскольку Сахаров все равно откажется от избрания депутатом от академической курии в пользу выборов народных, притом от главного в стране избирательного округа – национально-территориального № 1 в Москве. За право баллотироваться по этому округу предстояло острое соперничество знаковых фигур политического обновления – академика Андрея Сахарова и бывшего, а теперь опального первого секретаря Московского городского комитета КПСС, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Бориса Ельцина. Исход это-

го соперничества казался нам делом совершенно не статусно-личностным.

Ученый с мировым именем, «отец» советской водородной бомбы академик Сахаров, с 60-х годов один из основателей правозащитного движения в СССР, лауреат Нобелевской премии мира 1975 года, был очевидным лидером западного по своей сути движения, с упором на либеральные ценности, примат индивидуума, общества над государством.

Борис Ельцин – символ «прогрессивных» сил внутри КПСС. Он казался примитивным популистом, который поначалу будет «прессовать начальников», а скудные, имеющиеся в наличии блага (еду, одежду, мебель, доступ к медицинским услугам и пр.) станет делить и распределять «по справедливости». Потом успокоится и вернет старые порядки. Жизнь, кстати, показала, что опасения были небеспочвенны: если не он сам, то уж его наследник двинулся в эту сторону решительно и энергично, насаждая советские подходы в государственном устройстве, в СМИ, потом – в международных отношениях.

В общем, лидером антикоммунистического движения становится либо Сахаров, либо Ельцин – и индикатором будет, кто из них выдвинется по первому национально-территориальному округу. Это, конечно, определяло бы и все дальнейшее развитие событий. Мы, радикалы-антикоммунисты, скорее всего, ввергли бы СССР в пучину настоящей бескомпромиссной революции. Ельцин же был про-

сто идеален для аппаратного перехвата власти. Бескровного и непоследовательного, чреватого откатом к номенклатурному правлению и новыми долгими годами метаний страны в поисках собственного пути. В общем, нам с Андреем Зубовым ситуация виделась простой и ясной: черт с ними, с этими академическими переплясами, даешь Сахарова в 1-й национально-территориальный! Потом, кстати, узнали, что Ельцин был готов уступить Сахарову эту позицию. Но тот посчитал революционный подъем и раскрепощение интеллигенции более важной в долгосрочном плане задачей. Возможно, и ошибся.

Чем пророк отличается от политика? Пророк говорит и делает то, в правоте чего глубинно убежден. Политик говорит и делает то, что считает своевременным и выгодным. Вот политиком-то Сахаров никогда и не был.

В таких рассуждениях на общую тему и по конкретному поводу прошел вечер. Я уже одевался, когда зазвонил телефон. Судя по отдельным репликам, Андрей был ошеломлен. Положив трубку, сказал: «Только что, перед вылетом в США, Сахаров сделал заявление, что в депутаты он пойдет **только от Академии**».

Новость шарахнула по голове, сразу стало ясно – прощай теперь прошлая размеренная жизнь. Перед уходом попросил Андрея подготовить список его знакомых, работающих в академических институтах, в основном общественного профиля, предупредить их о моем возможном звонке.

Придя домой, взял справочник и выписал все академические институты Москвы с адресами и телефонами, начал обзванивать знакомых, оповещать их о выборах делегатов на общее собрание Академии, объяснять, что и как нужно делать. Просил дать телефоны их знакомых, предупредить, что будем звонить. Потихоньку таблица (институт – знакомый – выборщик) стала заполняться. На второй или третий день понял, что действую параллельно с какой-то группой, сформировавшейся раньше и достаточно организованной. Прозвучала и фамилия одного из лидеров этой группы – Собянин Александр Александрович. Созвонились. Мягкий приятный голос, слегка заикающаяся речь. При обоюдной настороженности договорились о первой встрече в районе Воронцовского парка, где он жил.

Юля поехала со мной.

Не встречал более чистого и бескорыстного человека в политической среде последних лет СССР. Саша мог быть до упрямства настойчив в своих убеждениях и ни разу за годы нашего знакомства не позволил себе компромиссов с ними (читай – совестью). Его авторитет в нашем кругу был чрезвычайно велик, и не случайно его избрали одним из сопредседателей сформировавшегося позднее Клуба избирателей Академии наук СССР – КИАН. В постсоветское время он отдал много сил разработке математических методов контроля работы избирательных комиссий и, конечно же, в эпоху частой фальсификации выборов был не понят и не при-

знан. Тяжело заболев, он – человек совершенно рационального мировосприятия – увлекся почему-то методами так называемой «альтернативной медицины», запустил болезнь до необратимой стадии и скончался от рака летом 1999 года. Последними его словами, говорят, были: «За все ошибки надо платить».

Тогда же мы сначала обменялись информацией, затем, уже придя к Саше домой и познакомившись с его красавицей женой Ирой, похожей на популярную в те годы актрису Вию Артмане, перешли к обсуждению будущих действий.

Во время следующей встречи Саша ввел меня в круг активистов протестного движения ученых Академии наук и смежных с ней организаций²⁶. Среди них выделялись «пламенные революционеры» – Людмила Вахнина, Анатолий

²⁶ Не могу удержаться и не процитировать выдержки из препринта Людмилы Вахниной «История избрания Сахарова народным депутатом СССР и формирования Межрегиональной депутатской группы» (депон. Сахаровский центр. (Sakharov-center.ru, 27.06.2019): «На этом собрании ИКГ в нашей команде впервые появился Евгений Савостьянов – и именно он представил нам информацию по Сибири. Оказывается, он убеждал сибиряков по собственному почину. Позже он рассказывал мне, что митинг он пропустил, будучи в командировке. Самостоятельно он изобрел тактику «всех вычеркивать» и стал за нее агитировать. ... На этой первой встрече он сразу вызвал всеобщее восхищение». И далее: «Говорилось о том, что не нужно стесняться выдвигать в этот список своих активистов – и тут же был предложен Савостьянов. Он доложил свою программу (не как непременно свою, но как пример программы вообще, такой, которую мы могли бы поддержать). Программа была блестящая – стройная, логичная, достаточно всеобъемлющая. Царапнуло меня одно – предложение зарабатывать деньги продажей оружия».

Шабад, Давид Бериташвили, Леонид Гордон, Андрей Пионтковский, Алексей Захаров, Константин Куранов, Михаил Мазо, Валерий Нишанов, Марина Салье, Леонид Баткин, Николай Санько, Борис Волков и ряд других. Позднее подключились Аркадий Мурашев и Алексей Головков. Всего примерно 40–50 человек, которые приходили, давали идеи, выполняли работу и снова убегали по своим делам. Но для большей части из нас это стало по-настоящему делом жизни.

«Нестором», летописцем происходившего, был Виктор Шейнис, привычка которого заносить в клеенчатую общую тетрадь стенограмму наших совещаний вызывала частые шутки: мол, надо подкладывать копирку, чтобы легче было информировать КГБ о принятых решениях²⁷. Вот и шути – при подготовке этой книги я нередко обращался к фундаментальному двухтомнику Виктора Шейниса «Взлет и падение парламента».

Инициативная группа «За демократические выборы в АН СССР»: Вахнина, Волков, Мазо, Собянин, Шабад, Санько начала протестное движение в Академии еще до моего лихого обещания Галкину. Уже 2 февраля они прове-

²⁷ По возможности мы старались свести к минимуму конспиративную часть своей работы, полагая, и, как показала жизнь, небезосновательно, что «органы все равно в курсе...». Уже позднее, заняв один из важнейших постов в российских спецслужбах, я смог оценить глубину агентурного проникновения КГБ в наши ряды. Достаточно сказать, что и среди самых что ни на есть лидеров многие имели с ними дело. Важно подчеркнуть – взаимовыгодно. Существовал своеобразный рынок информации. Это вообще характерно для работы спецслужб.

ли митинг общественности у здания Президиума АН СССР на Ленинском проспекте, потребовали перевыборов Президиума Академии, призвали выдвинутых кандидатов поступить по совести и взять самоотвод. Совесть, похоже, оказалась в дефиците: самоотвод не взял никто.

Совместив образовавшиеся к тому моменту базы данных, мы наладили и «методическое» руководство, и мониторинг выборов представителей институтов на Общее собрание. Тут мой опыт оказался весьма полезен, поскольку выборы в ИПКОНе были одними из первых в АН СССР и у меня первого был мандат.

Обычно через академическое «сарафанное радио» мы выявляли сторонников демократических преобразований, объясняли им, как можно бороться за заветные мандаты, оказывали посильную персональную помощь. Сейчас рождественской сказкой выглядит бескорыстие и эффективность того порыва. Ни денег, ни почета мы не искали.

Очарование революции, когда она назрела, – главная сила и главный ресурс этой революции.

Уже через пару недель мы могли претендовать на значительное большинство мандатов в Москве и Ленинграде. Внутренняя эрозия созданной коммунистами системы и степень ее непопулярности были таковы, что любой открытый протест или просто публично выраженное несогласие с решениями партийной номенклатуры гарантировали человеку или группе лиц немедленную известность и широкую под-

держку.

Проще было в институтах естественно-научного профиля. В них даже руководящий состав и значительная часть академиков и членов-корреспондентов разделяли наши взгляды. Возможно, менее идеологизированными, зато более реалистично настроенными в отношении будущего «экономики социализма» были представители институтов экономического и социологического профиля. В институтах сферы международных отношений «и хотелось, и кололось». Все видели, все понимали, но, за редким исключением, побаивались за свои предпочтения – возможность ездить за рубеж и потому ощущать себя избранной кастой. Страх они стряхнули позднее.

Реформаторская линия, заданная Горбачёвым, привела к тому, что даже в институтах общественно-научных, цитадели «проверенных и отобранных» партийных кадров, основная масса сотрудников повернулась задом к твердолобой, попахивавшей сталинизмом «лигачевской линии», как ее называли по имени Егора Лигачева, члена Политбюро ЦК КПСС, одновременно соратника и злейшего оппонента Горбачёва. Вот «перед» у них подозрительно раздваивался. Одни, вслед за Горбачёвым, делали ставку на обновление социализма, другие уже поняли, что «Бобик сдох».

В общем, Москва за нас. Ленинград – тоже. Там было меньше митинговщины и борьбоискательства, зато шла исподволь налаженная аналитическая работа на тему «Что по-

том?», в центре которой стояли Анатолий Чубайс, Альфред Кох, Михаил Маневич и другие. Мы их практически не знали. Зато тогда же меня попросили съездить в Ленинград и посмотреть, что это за Анатолий Собчак, профессор-правовед Ленинградского университета, слухи о блистательной убедительности которого дошли до нас.

Поехал, посмотрел из задних рядов собрания в каком-то институте. Вернувшись, с чистой совестью доложил: «Силен и может стать одним из главных. Правда, павлин очевидный». Активнее всего мы взаимодействовали с Мариной Салье. Доктор геолого-минералогических наук, общественный деятель, она была признанным лидером демократического движения в Ленинграде. В ее маленькой прокуренной квартирке на берегу Финского залива отшумело немало совещаний и споров. За Ленинград можно было не волноваться.

Сложнее было за пределами столиц. В союзных республиках ситуация была поляризована гораздо сильнее: национальные и националистические идеи становились все популярнее, и это подрывало позиции номенклатуры. С другой стороны, номенклатура контролировала положение в республиках Средней Азии и в Казахстане гораздо уверенней.

Учитывая это, мы пришли к выводу о необходимости усилить работу с отделениями и центрами академии в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке.

Тут очень кстати мне подвернулась очередная командировка в Таштагол. На обратном пути заехал в Новосибирск –

третью столицу советской академической науки. Успел вовремя: собрания по выбору делегатов от Сибирского отделения должны были вот-вот начаться.

Мы провели несколько совещаний, обсуждая тактику действий на ближайшие дни и вплоть до общего собрания Академии. Душой дела были математики Илья Гинзбург и Григорий Сурдутович. Итог выборов в Сибирском отделении, где я присутствовал как наблюдатель, ошеломлял: практически все мандаты от Сибирского отделения оказались в руках наших единомышленников.

Вернулся с добрыми вестями и не вполне заслуженно стяжал лавры «организатора и вдохновителя побед». И когда наш штаб начал формировать круг кандидатов в депутаты, наряду с выдающимися учеными и людьми с ярко выраженной гражданской позицией Леонид Гордон предложил и мою кандидатуру. Было приятно, однако, заметив ошарашенно-недовольные взгляды товарищей по фронду, срочно взял самоотвод: малейшая попытка политического стяжательства могла расколоть не только нас, но и намечавшийся альянс с академиками. Ближе к общему собранию АН стало ясно, что при поддержке академиков (некоторые по привычной осторожности предпочитали поддерживать нас пока шепотом, другие всегда были рады «подложить свинью товарищам по террариуму», а третьи готовы «были взойти на баррикады» за выстраданную позицию) мы могли бы сломать запланированное течение событий. Объективный фак-

тор успеха (количество сторонников, явных и скрытых) был налицо, а вот субъективный (организованность сторонников) – слабоват. К тому же подготовленный в нашем энергичном, но весьма узком кругу список кандидатов должен был пройти открытое обсуждение, чтобы получить поддержку. В общем, требовался какой-то сильный публичный ход, который позволил бы двигаться дальше с минимумом распрей и потерь.

И тут, как иногда со мной бывает, поздно ночью, на грани сна пришла «плодотворная дебютная идея». На следующий день во время очередного рабочего совещания предложил: давайте пригласим коллег-выборщиков в Москву заранее и проведем что-то вроде генеральной репетиции общего собрания. Коллеги приняли мысль на ура, наши товарищи из ФИАНа (Физического института Академии наук) договорились с руководством о предоставлении зала, по отлаженной уже информационной сети разослали приглашения и получили ответы.

18 марта на совещании²⁸ в гостинице «Академическая», где размещались приезжающие выборщики, вести собрание-репетицию поручили мне. В назначенный день (19 мар-

²⁸ Участвовали Ю. А. Авдеев, В. М. Диашев, М. Л. Гервер, И. Ф. Гинзбург, А. Н. Ельяшевич, С. Т. Коковин, Б. П. Курашвили, В. Н. Лисин, М. А. Мазо, А. Н. Мазур, В. Н. Наумов, Р. И. Пименов, Е. В. Савостьянов, М. Е. Салье, Г. И. Сурдутович, В. В. Тихонов, А. Е. Шабад, В. Л. Шейнис, В. И. Юсупов. Представлены были выборщики Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Казани, Поволжья, Дальнего Востока.

та 1989 года) зал – битком, телевизионщиков – уйма (у одного из них в гардеробе сперли дорогую, дефицитную по тем временам дубленку). Быстро утвердили тактику: голосовать против всех официальных кандидатов, заставить запустить всю процедуру заново, чтобы со второй попытки добиться выдвижения своих кандидатов. Правда, возникло расхождение по тем или иным кандидатурам, но в целом позиции удалось согласовать: сработало выступление Анатолия Шабата, который призвал не добиваться единomyслия в худших традициях коммунистической партии.

Ближе к концу встречи – какой-то ажиотаж, шум.

В зал вошел Андрей Дмитриевич Сахаров.

Тоталитарные режимы раньше или позже создают людей, которые воспринимаются всеми несогласными как некий абсолют нравственного противостояния силам Зла и уже поэтому – как абсолют Добра.

Человек, давший коммунистической империи водородное оружие и предлагавший взорвать сверхбомбы у берегов США, чтобы уничтожить основное препятствие на пути распространения коммунизма, совершил драматическое путешествие к прозрению и стал непреклонным и самоотверженным борцом за дело совершенно безнадежное – гуманизацию коммунистического строя, соблюдение этим строем элементарных политических прав человека и минимальных норм демократии. Его лишили орденов и медалей, подвергли показательному остракизму, его осудили многие колле-

ги и «широкие народные массы», его отправили в ссылку, мучили во время голодовки болезненным, унижительным насильственным питанием. И никогда, ни по одному вопросу он не шел на сделку с совестью.

Для нас это был если не кумир (люди мы все-таки были взрослые), то безусловный моральный авторитет и лидер.

И, тем не менее, мелькнула мысль: «А вот это он – зря. Нас сразу могут упрекнуть, что данная инициатива – не народное по существу дело, не инициатива «снизу», а, как в ту пору выражались пропагандисты режима, “кое-кем спланированная и организованная акция”».

Жизнь показала, что я был неправ и опасаться нечего. Появление Сахарова воодушевило участников. Даже тех, кто еще несколько минут назад колебался.

Эта репетиция удалась на сто процентов. Под конец кто-то предложил позаботиться о безопасности членов президиума (Шабада, Вахниной и моей), что позволило поблагодарить собравшихся от имени членов новой группы риска²⁹ – шутку оценили.

В тот же день в нашей штаб-квартире в Доме ученых на Кропоткинской мы провели генеральную репетицию предстоящей схватки, определили очередность выхода к микрофону по вопросам повестки дня. И, кажется, были вполне готовы...

²⁹ Группой риска в те годы называли лиц, для которых вероятность заболевания СПИДом была особенно велика – проституток, гомосексуалистов, наркоманов.

Но 20 марта, когда на Комсомольском проспекте во Дворце молодежи открылась конференция Академии Наук, все чуть не пошло прахом. Первый же из наших, кто должен был выйти к микрофону, растерялся. Растерялись и другие заводилы, я в том числе. Положение спас Виталий Музыкантов из Сибирского отделения: он поднялся на сцену с высоко поднятым мандатом и добился слова. А ведь все висело на волоске.

В остальном результаты подготовки сказались. Мы выиграли войну позиций и даже войну плакатов. На следующий день при голосовании, проходившим в главном корпусе МГУ, нам удалось забаллотировать 12 кандидатов из 20 (ранее Академия отдала 5 мест из своей квоты Союзу научно-технических обществ). Итак, 12 мандатов остались вакантными.

Так была одержана первая за многие десятилетия победа общества в лобовом столкновении с коммунистическим партаппаратом. Локальная, маленькая, но — победа. Уже через три дня впечатление от нее померкло на фоне громадных успехов многих кандидатов-нонконформистов на выборах в Москве и Ленинграде, на Украине и в Закавказье, в Прибалтике и Сибири. Но мы были первыми!

В горячке тех дней мы перехватили революционную инициативу у Горбачёва. Его «революция сверху» стремительно пошла на спад. Зато продолжила стремительный подъем на-

ша «революция снизу», начавшаяся 1 декабря 1988 года после принятия законов о Съезде народных депутатов СССР и о выборах на съезд, открывших дверцу для политической деятельности простых людей. **Повторюсь: принятие этих законов стало точкой отсчета «революции снизу», великой демократической революции.**

Немедленно началась работа по реализации второй части плана – выдвижению своих кандидатов. «Боданье» с академическим руководством на сей раз проходило по двум направлениям:

а) считать ли предстоящую конференцию продолжением предыдущей и, соответственно, сохранить ранее выбранных в институтах выборщиков или считать ее новой самостоятельной конференцией с новыми выборщиками и, соответственно, шансом для партаппарата отсечь неудобных;

б) проводить ли новое выдвижение кандидатов, в том числе не академиков и не членов-корреспондентов.

По первому вопросу нам не удалось настоять на своем – юристы АН во главе с многоопытным корифеем советского права (читай – советского бесправья) академиком Владимиром Кудрявцевым разделали нас под орех, виртуозно доказав несостоятельность претензий на сохранение наших (имею в виду себя и других выборщиков) «мест под солнцем».

Однако отсюда вытекала необходимость принять уже нашу точку зрения по второму вопросу: начать выдвижение за-

ново, причем на этот раз открыть дорогу не только академикам, но всем сотрудникам АН.

Теперь уже при определении выборщиков от нашего Института я был явным фаворитом и без проблем получил мандат. Интересно, что в течение всего этого периода никто не пытался на меня давить, никто не угрожал и не соблазнял.

18 апреля, за день до второй конференции, координационное совещание выборщиков (я снова председательствовал) состоялось в Институте химической физики, чтобы определить 12 кандидатур, которые мы будем поддерживать. На 12 мест было выдвинуто 142 претендента, а «фильтр» президиума прошли 25. Отказать Сахарову снова президиум не посмел.

Тут впервые в политической работе пришлось столкнуться с универсальным принципом, который позднее сформулировал как «Губит не грабеж – губит дележ». Гораздо легче было сплотиться против «аппаратных» кандидатов, чем объединиться в подборе своих. И главным препятствием, как и во многих других случаях, стало доминирование столичных кандидатур и трудности, с которыми сталкиваются регионы при попытке обойти «столичных». Все-таки удалось договориться о базовом списке, куда вместе с Сахаровым вошли физики Виталий Гинзбург (впоследствии лауреат Нобелевской премии) и Роальд Сагдеев (впоследствии муж внучки Рузвельта и американский гражданин), экономисты Павел Бунич, Геннадий Лисичкин, Николай Петраков, Станислав

Шаталин, Николай Шмелев, филологи и философы Сергей Аверинцев, Вячеслав Иванов, Юрий Карякин. После долгих пикировок включили мы в этот список и юриста Александра Максимовича Яковлева (не путать с членом Политбюро ЦК КПСС и главным соратником Горбачёва – Александром Николаевичем Яковлевым). Под конец, к нашему изумлению, нам предложили кандидатуру Георгия Арбатова – также соратника Горбачёва, но имевшего в целом репутацию человека скользкого. Собравшихся удалось убедить лишь частично, и Арбатова включили в список запасным, о чем он и просил. Стало ясно, что кто-то возьмет самоотвод. Компромиссы и договоренности – конек академических игр. Кто-то уступит позицию, взамен получив новые должности или финансовые возможности. К нашему сожалению, снял кандидатуру Станислав Шаталин. Здоровье его и правда было не блестящим, и вскоре его не стало.

Конечно, поддержали и предложение об императивном голосовании отдельных выборщиков за другие кандидатуры, если конкретный институт дал им соответствующее указание.

Это пусть и поверхностное обсуждение подтвердило априори известный факт: в советской экономической науке людей, знающих и понимающих суть рыночной экономики, почти нет. Из указанного списка к таким можно было отнести с натяжкой только Шаталина и Петракова. Ну а уж говорить о зрелом понимании маршрута от точки А (плановая,

безденежная, распределительная и милитаризованная экономика) к точке Б (рыночная экономика со сбалансированными бюджетами) вообще тогда не приходилось. Светилами считали тех, кто позволял себе хоть немного усомниться в совершенстве политэкономии социализма и соответствующих разделов программ КПСС – Павла Бунича, Геннадия Лисичкина, Николая Шмелева.

Повторная конференция проходила 19–21 апреля в МГУ. Перед голосованием мы делали ставки, сколько наших кандидатов удастся избрать на съезд. Были среди нас и оптимисты, и пессимисты. Я поставил на 8. Только Сахаров поставил на 12 из 12 и... выиграл. Выигрыш передал пострадавшему в ФИАНе телеоператору «на рукав от дубленки», украденной при подготовке первой конференции.

Усталые, но счастливые, мы распили в фойе бутылку водки, на этикетке которой на память расписались. Бесценная эта реликвия осталась у Миши Мазо.

Так закончилось это веселое и доблестное состязание. Его итоги:

а) формирование многочисленной, разветвленной, с представительствами по всей стране, высокоинтеллектуальной (без ложной скромности) демократической организации – движения ученых АН СССР;

б) формулирование первой полноценной демократической программы в виде наказа депутатам от АН СССР. С удовольствием отмечу, что упомянутые мои наработки по-

шли в ход и пригодились в дальнейшем при создании более общих программных документов;

в) делегирование на Съезд народных депутатов СССР идеологически сплоченной группы людей с высоким личным авторитетом, осознававших, что своим новым положением они обязаны не аппарату КПСС, а обществу.

Победа в борьбе за депутатов от Академии наук принесла КИАН если не славу, то известность. Нас признали, с нами стремились сотрудничать, с нами побаивались открыто конфликтовать.

Кажется, Александру Собянину пришла в голову мысль, что не худо бы ситуацией попользоваться и выбить для КИАН помещение и минимальный набор материальных благ: оргтехники, мебели и проч. Нам помогли академики Евгений Велихов и Алексей Яблоков.

По их ходатайству, а лучше сказать – под их нажимом администрация Дома ученых на Кропоткинской (ныне Пречистенке) выделила нам небольшую комнату. Роль ее в жизни страны оказалась столь велика, что эта комнатенка в коридоре, слева от главного входа, заслуживает полноценной мемориальной доски. Впрочем, впору такую доску устанавливать у главного входа в Дом ученых.

Там, комнате, стоял – о чудо! – персональный компьютер, еще с черно-белым экраном и с принтером при нем. Ни ксероксов, ни факсов, ни мобильных телефонов. Умели работать на нем только К. Куранов и А. Головков, что, естествен-

но, возвышало их над сонмом отставших от IT-эпохи. Этот по нынешним временам тугодум сыграл немалую роль в том, что КИАН стал одним из штабов нараставшей великой демократической революции.

Движущие силы демократической революции

И все-таки не мы были застрельщиками и движущей силой вулканических изменений, итогом которых стало падение режима КПСС. Не наш «академический заговор» был главным противостоянием того периода.

Здесь следовало бы остановиться на общей характеристике той бурлящей смеси, составляющие которой сочетались друг с другом настолько удачно, что в короткий срок было покончено с оккупацией России коммунистическим режимом.

Отвлекаясь от второстепенных деталей, можно говорить о четырех основных составляющих революционного движения тех лет.

Первое – широкое популистское народное антибюрократическое движение за справедливый дележ скудных благ.

Второе – либералы-западники.

Третье – часть партийного аппарата среднего и низового уровня.

И четвертое – национальные движения в республиках.

Постараюсь подробнее описать каждое из этих звеньев революционного движения 80-х.

Кумиром и знаменем народного антибюрократического движения был Борис Ельцин. Основной формой его орга-

низации были объединения избирателей, группы поддержки конкретных кандидатов в депутаты, ориентировавшихся на Ельцина, и публично поддержавшие его, стихийно возникавшие альтернативные профсоюзы и профессиональные объединения, главными из которых были шахтерские. В Москве (а столица – всегда сердце революции) существовало два таких течения:

● стихийно возникшее Московское объединение избирателей (МОИ), основные фигуры – Владимир Боксер, Ирина Боганцева, Лев Пономарев, Михаил Шнейдер, Вера Кригер, Глеб Якунин.

● «Комитет 18», объединявший представителей первых 18 трудовых коллективов московских предприятий, выдвинувших Бориса Ельцина в депутаты Съезда. Тут были свои лидеры – Владимир Комчатов, Александр Музыкантский, Лев Шемаев.

Некоторое время на той же поляне пыталось играть Российское объединение избирателей во главе с Владимиром Ивановым, в котором мы видели искусственно созданную раскольническую структуру.

Базой популизма стала появившаяся в последние годы возможность видеть и сопоставлять всенародную скудность с относительным благополучием начальства и с зарубежными изобилием и свободой. Благодаря гласности, газетам и журналам, телепрограмме «Взгляд» люди узнали, что в СССР существует «тайный мир для начальников» (спецма-

газины, спецполиклиники, заграникомандировки с возможностью купить видеоманитоны, одежду, еду и спиртное невиданного в СССР разнообразия и качества), которые с высоких трибун пели хвалу аскетизму и жертвенности – качествам, для них и членов их семей совершенно не типичным.

Неприязнь простых людей к вождям усилил пресловутый «сухой закон» – два постановления ЦК КПСС и правительства о мерах по преодолению сугубо российского недуга сугубо российскими же методами – запретами, ограничениями, наказаниями и соревнованием чиновно-бюрократических усердий.

Приметы тех лет – приторно-сладкая вода «Буратино» вместо пива на столе у шахтеров, вышедших на-гора, комсомольские безалкогольные свадьбы, запрещение банкетов. (Защитив кандидатскую диссертацию, я тоже должен был «не допускать»... Но не зря мой батюшка Вадим Константинович, как и многие россияне, варил на кухне самогон в высокотехнологичном аппарате от умельцев из космической отрасли – он, напомню, работал в конструкторских бюро Королева и Челомея, творивших отечественные военные и мирные космические программы. В дело шел и спирт, который выписывали «для протирки оптических осей».) Но главным результатом этой атаки стали сумасшедшие, озлобленные очереди, повсеместное самогонование, выкорчевывание виноградников в Крыму и на Кубани, в Гру-

зии, на Украине и в Молдавии.

И вот на этом фоне среди простого люда стали ходить легенды о Ельцине как о каком-то русском богатыре из Свердловска³⁰, который «не побоялся резануть правду-матку о Райке всему ЦК». (Это о жене Горбачёва, умной, яркой Раисе Максимовне. Ее почему-то сразу невзлюбили. Может быть, потому что была умна и не пряталась за спину мужа, который уже начал терять популярность, была красива и элегантна, когда другим жилось все тяжелей. Потом только узнали, что на пленуме ЦК о ней не говорилось ни слова. Но легенда попала в резонанс с потаенным ворчанием.) Говорили, что, став первым секретарем Московского горкома, членом Политбюро, «ездит в троллейбусах, как все», «в обычной районной поликлинике в очереди врача дожидается». Все это было туфтой и показухой, но народ жаждал кумира и сотворил его себе.

А уж когда Ельцина «сняли», кумир обрел черты страдальца. Теперь ничто не могло бросить тень на его образ.

Сторонники популизма проиграли во всем: они не оказались востребованы во власти, а их цели-мечты о справедли-

³⁰ Так назывался нынешний Екатеринбург. Там в 1980–83 годах в поездках на Северо-Уральский бокситовый рудник, где начались горные удары, я слышал немало лестного и нелестного про первого секретаря обкома Ельцина. Например, присказку о построенном по инициативе Ельцина в Свердловске новом универсаме, впечатлявшем размахом, чистотой и пустыми прилавками: «На прилавке кильки в томате, за прилавком – б... и в халате, водка есть за три рубля, ну а больше – ни ...».

вом дележе реализовались с точностью до наоборот – расслоение приобрело невиданные формы. И сами они за редким исключением не смогли найти себя в новой экономике. Они и были «демократами первой волны», и как же несправедливо применительно к ним обвинение «демократы ограбили Россию», которое походя любят ввернуть и те, кто делает это по трезвому расчету, чтобы дискредитировать в России самую идею демократии, и те, кто повторяет это по незнанию, за молодостью лет.

В 2005 году мы отмечали 15 лет создания «Демократической России». У входа в зал стояло всего лишь 4–5 автомобилей. Остальные участники приезжали общественным транспортом. Такие вот грабители...

Впрочем, говорят: «Простота хуже воровства» (небесспорная, кстати, и аморальная поговорка). То, что демократы проложили тропу, по которой хлынули толпы алчных и беспринципных, – наша, демократов, вина.

Но в 1989–1991 годах именно Московское объединение избирателей (МОИ) выводило на демонстрации все более многочисленных и все более радикально настроенных москвичей. (Любит жизнь пошутить! Когда в начале 2000-х появилась идея создать при власти ручное молодежное движение, его называли «Наши». МОИ реально было «ничьим» – поддерживая Ельцина, никогда не брало под козырек. Вот про «Наших» Путин мог сказать: эти – МОИ.) А тогда тысячи активистов расклеивали на стенах домов и в переходах

рукописные листовки: «В воскресенье – митинг МОИ. Проходить будет там-то. Тема – ...». И народ шел. Сначала – тысячами, потом – десятками тысяч, потом – сотнями тысяч и даже до миллиона. Людей воодушевленных, но не злобных, твердых в убеждениях, но готовых терпимо относиться к чужому мнению. Было, правда, два исключения: на дух не переносили всевластие аппарата КПСС и безоглядно поддерживали Ельцина (за что потом и поплатились).

Чудесные, бескорыстные, преданные делу и... преданные властью люди. Преданные и в силу объективной «несбыточности мечт», и из-за циничного отношения к ним бывших кумиров.

Кстати, мы никогда не скатывались до потасовок с милицией, в которой видели таких же людей, как мы сами. Наоборот, старались прикрыть от экстремистов (был у нас такой «Демсоюз» Новодворской) и чайком напоить. А где уж разрешат митинг – не так важно. Лишь позднее, набрав силу и популярность, организаторы стали требовательнее в выборе мест и форм проведения: обязательно с шествием и завершением в центре (Манеж, Садовое кольцо).

Второй по важности составляющей революционной коалиции были, как я уже сказал, либералы-западники, мечтавшие о свободе – сбросить со страны ярмо коммунизма, превратить СССР в современную демократию с экономикой свободного рынка, в государство, интегрированное в систему международных отношений в качестве полно-

правного партнера и союзника ведущих стран Запада. Здесь никто не сомневался в необходимости отстранения КПСС от власти, изменения Конституции и всего государственного строя, массовой приватизации госсобственности, свободы частного предпринимательства и управления капиталами. Борьба за выдвижение Сахарова и его единомышленников – борьба либеральной, демократической, антикоммунистически настроенной интеллигенции, не питавшей каких-либо иллюзий относительно возможностей исправить положение за счет рихтовки дефектов социалистического уродца. Эти люди понимали, что за пределами цивилизации западного типа (позднее я стал ее называть цивилизацией конкуренции или цивилизацией технологий) процветания не бывает, и наивно надеялись, что приобретение существенных, но всё же внешних и вторичных черт таких стран – залог выхода из штопора нищеты и несвободы.

Пожалуй, именно созданный нами Клуб избирателей Академии наук был наиболее ярким организационным элементом этого течения. Существовал, конечно, «Демократический союз» Валерии Новодворской, но в силу ряда причин на нем лежал отпечаток какой-то эпатажной клоунады.

Наш КИАН вырос из борьбы, которую мы вели в недрах АН СССР за избрание Андрея Дмитриевича Сахарова. Организационное оформление произошло после учредительной конференции 30 июня 1989 года в Доме ученых. У КИАНа были три сопредседателя: Людмила Вахнина, Ев-

гений Савостьянов, Александр Собянин. КИАН стал важным коллективным членом МОИ и других демократических, то есть антикоммунистических, объединений. Успешность, если не сказать триумф, нашей борьбы не осталась незамеченной, к нашему мнению прислушивались, на наши связи рассчитывали. Были еще «Московская трибуна», «Мемориал» и другие, но КИАН был наиболее весом.

Вопрос о лидере этого течения не стоял – Андрей Дмитриевич был абсолютным и почти непререкаемым авторитетом. По мере появления новых, как стало модным говорить, вызовов, возникали, разумеется, и причины для несогласия с теми или иными высказываниями Андрея Дмитриевича, но в целом отношение к нему не изменилось. Или не успело измениться. 14 декабря 1989 года он ушел из жизни. Безмерно рано.

У сотрудников Академии наук были годами наработанные межрегиональные связи: ездили по всему СССР на профильные семинары, общались с коллегами по всей стране. Эти связи стали нашим мощнейшим организационным ресурсом, которому предстояло сыграть исключительно важную роль на этапе, предшествующем открытию Первого Съезда народных депутатов СССР.

Было и другое преимущество: знание реальной жизни всех слоев общества. Не случайно у нас сразу выдвинулись на первые роли работники социологических институтов. Но и другие жизнь страны знали не по книжкам. Эруди-

ция и высокие интеллектуальные качества позволили именно в этой среде начать работу над программными документами.

Участники «академического» движения могут быть довольны тем, что страна двинулась, в основном, по их направлению: свободный рынок и политический плюрализм, открытость границ и контроль общества за госаппаратом стали нормой в последующее десятилетие.

В личном же плане судьбы сложились по-разному. Неплохо – у тех, кто ушел из науки в политику (Гавриил Попов, Анатолий Собчак, Павел Медведев, Аркадий Мурашев, Алексей Головков. Ряд можно продолжить. Да и я к нему отношусь). Те, кто остался в науке и был конкурентоспособен на международном уровне, тоже не пропали. А вот многим, привязанным к традиционным академическим институтам, пришлось несладко. Но в нулевые и тем более в десятые годы либералы испили чашу разочарования, наблюдая за регрессом завоеваний 90-х. Регрессом исторически предопределенным, но для многих очень болезненным.

Для меня очевидно, что социализм, как ни грустно говорить, не случайно победил и прижился в нашей стране. Тому причина – сочетание многовековой несвободы и растворения индивидуума в обществе с западным мессианством, технологической продвинутостью и классовой структурой. Несвобода закончилась, да и то не совсем, в 1861 году. Вчерашние рабы со свежей памятью обид и унижений (напри-

мер, мой прадед родился не в семье раба только потому, что его отца сдали в рекруты на 25 лет, поскольку жена приглянулась барину) составили мощный слой промышленного пролетариата в крупнейших городах и в армии. Вспоминаю состоявшийся примерно в 2005 году разговор с нашим главным летописцем Виктором Шейнисом. Я доказывал, что откат от достигнутых в стране свобод не мог не состояться. Что должно вырасти поколение, и не одно, привыкшее к ответственности и требовательности, что только эти новые поколения смогут построить настоящее демократическое общество. Те, кто привык ждать решений начальства и просить у него добавки, основой демократического общества стать не смогут. Не научимся следить за чистотой в родном подъезде – не станем защищать свои политические права. Так что нужно подождать хотя бы лет двадцать. Виктор Леонидович с грустью заметил, что ему прожить столько не грозит. «Что поделаешь, нельзя наши личные проблемы представлять народной бедой», – ответил я.

Еще одна составляющая революционной коалиции – значительная часть партаппарата низового и среднего уровня, особенно на местах, где жизнь была многократно скуднее, чем в Москве, околопартийные специалисты и эксперты, молодые партактивисты и особенно ушлые, расторопные комсомольцы из ЦНТТМ. Все они понимали, что салазочки КПСС мчатся под горку, к обрыву, и притом стремительно. Для этих людей существовал и наглядный пример, в каком

направлении салазки разворачивать – Китай с его реформами по Дэн Сяопину. А то, что делать это в нашей стране нужно было лет на 15 раньше и что сама возможность позитивного реформирования с сохранением каких-либо элементов коммунистической диктатуры даже в Китае небесспорна, обновленцев если и пугало, то не слишком.

Организационной формой этого направления были клубы и группы, из которых позднее образовалась «Демократическая платформа в КПСС». Инициаторами стали Владимир Лысенко, Степан Сулакшин, Игорь Чубайс, Василий Шахновский, Вячеслав Шостаковский и другие. Они металась между Горбачёвым и Ельциным, но со временем многие поддержали Ельцина. Их концепция – демократизация КПСС, ее преобразование в социал-демократическую партию. (Еще в 1987 году Горбачёв предложил очень узкой группе молодых экспертов, в том числе Алексею Салмину, проработать возможные последствия такого шага). Эта группа потерпела поражение. Но в индивидуальном плане многие из них в будущем преуспели.

С точки зрения кадров в результате событий 1989–1991 годов власть в стране перешла от номенклатуры организационного и идеологического отдела ЦК КПСС к номенклатуре отраслевых отделов (Борис Ельцин – отдел строительства, Виктор Черномырдин – отдел тяжелой промышленности, Егор Строев – отдел сельского хозяйства). А номенклатура «отодвинутых» отделов составила костяк оппо-

зии (Зюганов³¹, Купцов, Анпилов, Терехов). В тени долго оставалась номенклатура отдела административных органов, курировавшего силовые структуры. Но потом настало их время...

На этом направлении лежало некое заклятие. Созданная на базе Демплатформы Республиканская партия России быстро деградировала, меняла названия, попала в руки некоего фантазмагорического масона Андрея Богданова и неоднократно становилась липучкой, на которую попадались некоторые оппозиционеры вроде бывшего премьер-министра Михаила Касьянова и олигарха Михаила Прохорова.

И, наконец, антикоммунистическую оппозицию составляли еще и национальные движения союзных республик, часто называвшиеся Народными фронтами, организациями весьма разнородными. Меньше развился только русский национализм: имперская идея продолжает греть душу русскому человеку. Классические западники Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии были не чужды откровенно антироссийским и даже антирусским настроениям. Вообще, в эти годы из-под спуда вырвалась межнациональная недоброжелательность, и хуже – вражда. Она годами копилась, но ее сдерживали жесткие советские порядки.

Вражда эта не была свойственна коллективам заводов и институтов, армейских частей и творческих коллективов.

³¹ Геннадий Зюганов в 1993 г. возглавил Коммунистическую партию РФ. До того входил в руководящие органы КПСС и КП РСФСР.

Она исподволь пестовалась в работах отдельных историков-националистов, особенно ярко проявлялась в краях, этнический состав которых был изменен в ходе сталинских депортаций, где местные соседствовали со ссыльными. Примеров таких множество: ингуши и осетины, чеченцы и дагестанцы, узбеки и казахи, армяне и азербайджанцы. Очень скоро струи недовольства, бившие из-под крышки со слабеющей заглушкой, слились в мощный выплеск националистического угарного пара. Однако поначалу казалось, что впереди – симфония народных радостей по случаю освобождения от коммунистического ига.

Дабы сия симфония поскорее зазвучала, Марина Салье инициировала создание Межрегиональной ассоциации демократических организаций – МАДО. По ее задумке, «все-союзная» МАДО должна была уравновесить КПСС и координировать работу демократических организаций всех союзных республик. На учредительной конференции в Челябинске 28–29 октября от нас были Лев Пономарев, Олег Румянцев и я (мы с Олегом вошли в Оргкомитет).

Идея не сработала сразу по нескольким причинам. Большинство демократических организаций замыкались только на городскую интеллигенцию и реальной связи с «широкими народными массами» не имели.

Уже к этому моменту стало очевидно, насколько разношерстным сообществом является демократическое движение, которое ни до, ни после так и не смогло создать единую

идеологическую платформу.

Конфликты между союзными республиками и этнические конфликты внутри республик уже достигли такого накала, что «впрячь всех в одну повозку» было нереально. Но тогда мы эту утопичность еще не сознавали и определенные надежды с МАДО связывали.

На конференции я обратил внимание, что практически все выступавшие кляли, на чем свет стоит, всевластие КПСС, и предложил организовать всесоюзную акцию за отмену 6-й статьи Конституции СССР. («Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза».) Идея понравилась, прижилась и была позднее реализована в грандиозных демонстрациях 4 и 25 марта 1990 года в Москве и других городах.

25–26 ноября в Каунасе прошло расширенное заседание Оргкомитета конференции МАДО. По итогам я написал статью в газету «Позиция». Цитирую:

«Появился “второй слой” национальных проблем, в котором субъекты претензий к Союзу... вдруг обнаруживают себя объектами аналогичных претензий со стороны меньших этнических групп... Правда, существует довольно распространенное мнение, что появление “второго слоя” не столько самопроизвольный, сколько инспирированный процесс.

Особое место занимает вопрос о состоянии и перспекти-

вах русского национального движения, которое на сегодня либо отсутствует, либо монополизировано силами, более занятыми поисками внешнего врага».

Вторая конференция МАДО проходила 3–4 февраля 1990 года в Вильнюсе.

Шел вечером на вокзал с мыслью: «Если уж “они” (КГБ, КПСС) в этот раз нас не остановят, дальше мы уже будем неуправляемы». Такой вот патетически-героический наивняк.

Эта поездка запомнилась и другим. По дороге из гостиницы, глядя на непреходящий монумент Ленину, я сказал своему спутнику, кажется, из Эстонии, но по фамилии Аракелян: «Вот ведь скинем скоро коммунистов, и что будем делать с этими тысячами Ильичей, Дзержинских, Калининских, Свердловых? Свезти бы их в один парк, построить побатальонно, чтобы люди смотрели и учились на этом абсурде. А в мавзолее на Красной площади открыть кафе «У чучела».

Сейчас в Москве есть что-то вроде собрания изваяний – зайдите в Музеон на Крымском валу. А вот главному чучелу поныне курится фимиамом отдельными его поклонниками и, страшно сказать, последователями. Больше того, госбюджет до сих пор финансирует целый институт, работающий на мумию. Я его называю институтом персональных таксидермистов. Идиотизм, да и только!

Уже в следующем году МАДО мирно почил в бозе: у каждой республики был свой путь, свои цели, и мы совпадали лишь в одном – не дать коммунистической машине разда-

ВИТЬ НАС ПООДИНОЧКЕ.

Как я попал в политику

Апрельская победа КИАН была органичным фрагментом могучих процессов раскрепощения людей и общества, нараставших с каждым днем. Популярны телепередачи («Взгляд», «600 секунд»), массовые газеты, особенно «Аргументы и факты» с их по-гиннессовски рекордными тиражами³², сдирали слой за слоем обносившуюся краску с гроба повапленного коммунистического влияния. Новые газеты «Позиция» (издатель – Сергей Трубе), «Голос избирателя» (Лев Шемаев), «Хроника» (Виктор Миронов) и другие просто переворачивали людям мозги, разрушая «вечные» стереотипы отдела пропаганды ЦК КПСС. Антикоммунистические митинги и демонстрации под видом встреч с кандидатами становились все более массовыми, полемика – все более неприглаженной и свободной от табу.

В апреле первые зримые трещины поползли по, казалось бы, монолитному фасаду власти: советские войска разогнали антисоветский митинг в Тбилиси. С жертвами (16 че-

³² Она была создана ЦК КПСС и обществом «Знание» как полузакрытый информационно-пропагандистский бюллетень-дайджест для отобранных людей (пропагандистов и агитаторов коммунистической идеи), но усилиями талантливейшей редакции во главе с Владиславом Старковым быстро выросла до тиража в 33 с лишним миллиона экземпляров в неделю. Сразу семь (!) членов редколлегии были избраны народными депутатами СССР – таково было влияние газеты в городах и весях.

ловек), сотнями раненых. Горбачёв открестился, и вся ответственность пала на командующего группой войск Игоря Родионова и второго секретаря грузинской компартии Бориса Никольского, с которыми позднее судьба меня свела. Их подвергли остракизму, отправили в отставку, а Москва осталась ни при чем. В апреле же парламент Литвы первым принял декларацию о независимости, положив начало распаду СССР, из восточноевропейских стран выводили советские войска, Горбачёв резко реформатировал Политбюро ЦК КПСС, ослабив роль догматично настроенных ветеранов. В общем, страна закипела.

То ли 29, то ли 30 апреля позвонил Саша Собянин (напомню: он работал в ФИАНе, там же, где и Сахаров):

– Женя, Андрей Дмитриевич просил тебя подойти на встречу московских депутатов, которая будет 2 мая в Доме политпросвета на Цветном бульваре³³.

– Саша, не ошибаешься? Мы ведь и не знакомы с ним.

– Он тебя запомнил по конференции в ФИАНе и даже ругал нас, что вас не познакомили. Так что приезжай, если не будешь занят.

Какой, к черту, занят?! Семья моя (родители и жена с детьми) в это время будут на даче в Кубинке³⁴. Обычная

³³ На месте этого здания, выстроенного коммунистами для промывания мозгов своему активу и заслуженно снесенного за ненадобностью, сейчас выстроен современный бизнес-центр.

³⁴ Наша обычная советская дача в 34 кв. м потом стала предметом проверки моей коррупционности. Приезжавшие контролеры во время предвыборной пре-

весенняя страда – сад, огород, ставни, забор...

2 мая 1989 года в 11 часов утра пришел в Дом политпросвета, куда еще и полгода назад ни в снах, ни в фантазиях мои мысли непутевые завести меня не могли.

В зале – с полсотни человек, народных депутатов, избранных и по московским избирательным округам, и по всесоюзным куриям³⁵. Основная часть территориальных выборов прошла 26 марта и в Москве закончилась разгромом кандидатов от КПСС. Стоило про человека сказать: «Он от КПСС», как его поражение становилось гарантированным. (Тогда удивил нас старший сын Кирилл. 8-летний малыш написал на куске картона: «Голосуйте за А. Емельянова и Б. Ельцина» и целый день простоял на холоде у входа в продмаг на улице Ефремова, отвергая попытки дедушки и бабушки увести его домой, внося свой вклад в победу над коммунизмом.) Так, всего дважды проведя более

зидентской компании 2000 года никак не могли поверить, что именно эта рухлядь послужила поводом для доноса.

³⁵ Выборы депутатов на съезд СССР Горбачёв организовал по хитрой схеме, которая должна была гарантировать доминирование коммунистов. Из 2250 депутатов 750 человек избирались по территориальным округам, 750 – по национально-территориальным округам (от союзных республик – по 32, от автономий – по 11), 750 по квотам общесоюзных организаций, в том числе КПСС, профсоюзы и кооперативные объединения – 100, комсомольцы, женщины, ученые и творческие работники – по 75, и еще 75 – от остальной союзной номенклатуры. Сформированный таким образом, в основном из номенклатуры КПСС съезд быстро стал крайне реакционным органом, тормозом преобразований, как обычно и бывает в революции, когда движение снизу начинает опережать революцию сверху, скорость смены элит отстает от скорости смены настроений масс.

или менее честные выборы (в 1917 и в 1989 годах), большевики-коммунисты оба раза получили ногой под зад.

Присутствовали также помощники депутатов и... неожиданно мало журналистов («Понятно, – подумал я. – Дана команда замалчивать»).

На трибуне – человек небольшого роста, грузный увалень с усиками. С острыми умными глазами. Неуловимо похожий на ежика и на Винни-Пуха одновременно. Говорил кратко и детально, умно и образно, живым острым языком с малой дидактической занудинкой, выдававшей опытного лектора. По сути, его речь была и обзором положения в стране («Тупик в результате господства административно-командной системы»), и постановкой задач перед будущим съездом («Не дать бюрократии завладеть съездом и превратить его в механизм подтверждения ранее принятых аппаратных решений»³⁶).

– Это кто такой умный? – спросил я Сашу Собянина.

– Гавриил Харитонович Попов, – ответил он.

О Попове я уже был наслышан во время наших академических ратей. Говорили, что именно он был автором комбинации, по которой для создания хоть какой-то конкуренции среди отобранных президиумом АН 23 кандидатов Академия отдала 5 из 25 своих мандатов научным обществам.

³⁶ 25 лет спустя сказали бы: «Не дать превратиться во взбесившийся принтер», как после 2003 года критики часто называли Государственную думу, новый, уже постсоветский законодательный орган.

В результате Попов, не имевший шансов пройти на съезд через надменную академию, смог воспользоваться ситуацией и стать депутатом от научно-технических обществ. Общее мнение о нем: очень умен и, едва ли не более, хитер. И то и другое позднее подтвердилось, и хитрость, перевесив мудрость, привела к краху потенциально блистательной его карьеры.

После установочного выступления Попова новые ораторы бросились громить коммунистическую систему, нищету и бесправие, национальные проблемы и войну в Афганистане (для СССР она только закончилась – 15 февраля). Моджахеды, оснащенные современным оружием, наносили нашей 40-й армии нарастающие удары. Последние гробы и возвращение домой далеко не последних молодых инвалидов будоражило города и деревни. И подлодка «Комсомолец» утонула. И вообще, куда ни кинь – всюду клин.

Говорили хлестко, вразмах, без обиняков. И тут в зал вошел новый главный московский коммунист – присланный из Ленинграда на смену отступнику Ельцину – Лев Николаевич Зайков. Они, кстати, типажно похожи. Оба – рослые, дородные. Ельцин, правда, поспортивнее, порезче, но он и на 8 лет моложе... Как показал тот день, ментально они были в то время не совсем далеки.

Войдя и не увидев привычного подобострастия, Зайков тем не менее не развернулся, а сел слушать выступающих. Хватило его не более, чем минут на десять.

С открытым ртом, остекленевшими глазами, слегка растопыренными руками, он, словно окаменев от ужаса, двинулся, сопровождаемый демонстративно возмущающейся челядью. «Смута, крамола, недопустимо», – было написано на его лице. И покинул собрание.

А народ не останавливался. И тут в зал вошел Ельцин. Понятно, что охрана действующего и предыдущего первых секретарей Московского горкома КПСС их приход специально развела по времени. Зато я получил прекрасный шанс наблюдать воочию сцену прелюбопытнейшую. Поскольку Ельцин остановился рядом, свою первую встречу с будущим первым президентом России запомнил хорошо.

Несколько минут Ельцин стоял сзади практически никем не замеченный и слушал выступавших одного за другим депутатов.

Хватило его не более, чем минут на пять.

С открытым ртом, остекленевшими глазами, слегка растопыренными руками он, словно окаменев от ужаса, двинулся, сопровождаемый подбадривающими его помощниками. «Смута, крамола, недопустимо», – было написано на его лице. С этим он... сел за стол президиума и лишь спустя некоторое время успокоился и стал слушать уже внимательно, вникая.

Забегая вперед, скажу: по моим наблюдениям, он обладал очень высокой способностью к саморазвитию. Настолько высокой, что часто заставлял собеседников врасплох – не ожи-

данными и разумными, а порой и парадоксальными сообщениями, даже тогда, когда от него не ждали вменяемых суждений. Не имея подготовки в гуманитарной сфере, он не размышлял о глубинных причинах кризиса, который, будучи руководителем-практиком, наблюдал ежедневно. Разрушение социалистической системы и советского железного занавеса были ему поначалу абсолютно чужды и непонятны, обрушились на него волей рока. Но до 1994 года он вникал, осваивал новые идеи на удивление быстро и менялся стремительно.

Так что и Попов, и я сильно ошибались, когда, выйдя с очередного совещания у Ельцина, где он нес какую-то ахинею про совершенствование социализма, я спросил: «Он что, правда такой дурак?», а Попов характерно зажмурился и быстро-быстро закивал головой.

В общем, мое личное отношение к Борису Николаевичу было неоднозначным.

Впервые после Свердловска я услышал о нем в Кемеровской области, где местное начальство сетовало: «Только начали привыкать к новому секретарю ЦК по строительству, как его на Москву бросили». Это, стало быть, декабрь 1985 года, когда Горбачёву удалось спихнуть одного из своих конкурентов и недоброжелателей, главного московского коммуниста Виктора Гришина. Потом пошли слухи о жесткости Ельцина к московской партноменклатуре, даже доведшей до самоубийства двух районных партруководителей.

(В России это, конечно, не в диковинку. Покойный мой брат Саша был свидетелем, как в люто-студеную зиму 1976–1977 годов после разговора с «милейшим» премьер-министром Косыгиным сполз в кресле с инфарктом начальник одной из московских теплоэлектростанций.) Воспринимал это отстраненно – их партийные разборки меня мало волновали. Когда весной в неожиданно теплые денечки потекли ручьи от стремительно таявшего снега и пришло указание Ельцина вывести сотрудников непроизводственных организаций колоть лед и разбрасывать снег (которые и сами бы растаяли дня через три-четыре) мы дружно сказали: «Ну и дуболом».

После его выступления осенью 1987 года на пленуме ЦК КПСС с критикой политики Горбачёва стал стремительно формироваться миф о Ельцине как о «защитнике сирых и убогих», борце за правду. О долгожданном герое, который встряхнет страну и перейдет от горбачевских словес к делу, разгонит зажравшихся и восстановит справедливость. По Москве пошли самодельные «стенограммы» его выступления, весьма далекие от подлинного. Автором этой чрезвычайно эффективной подделки был Михаил Полторанин, в то время один из ведущих политических советников-наставников Ельцина (вместе с Геннадием Бурбулисом, Гавриилом Поповым, Юрием Афанасьевым).

Я наблюдал его стремительную эволюцию из правоверного и слегка наивного партбосса в икону и надежду популистов, потом – в лидера антикоммунистического движения,

народного героя и революционного лидера, потом – в самовластного хозяина России. Дважды он меня снимал с должности, но в критический для него момент на меня же и возложил громадную ответственность, об этом – далее.

Так уж вышло, что борьбу с коммунизмом в конце концов возглавил человек, мало к ней готовый и набиравший необходимые знания уже в процессе. Уверен, будь щедрее судьба к России, не было бы лучше сочетания, чем президент Сахаров и Ельцин – премьер. Но такое сочетание было невозможно в принципе. Как писал о себе он сам: «Я никогда не был заместителем».

Вернемся, однако, в Дом политпросвета, 2 мая 1989 года.

По окончании заседания, когда все уже высказались, когда пиршество раскрепощенных интеллектов завершилось, Анатолий Шабад подвел меня к Сахарову, который, в свою очередь, познакомил нас с Поповым. При этом Толя воодушевленно-радостно спросил:

– Ну как? (В подтексте было: вот как здорово!)

– Ужасно, – ответил я и пояснил: – Все, что здесь обсуждается, остается в кругу высоколобых московских интеллектуалов. Все это умно, свежо. Но партаппарату ничего не стоит на съезде разыграть привычную схему: вот, опять избалованные москвичи выпендриваются³⁷. Вы сразу окажетесь

³⁷ Москвичей и тогда (и сейчас) недолюбливали. Их, хоть и несправедливо, ассоциировали с идущими из Москвы бессмысленными директивами опостылевшей власти. Их вполне справедливо считали зажавшимися за чужой счет барчуками: в условиях всеобщего дефицита товаров Брежнев провозгласил доктри-

в изоляции и не сможете сыграть заметной роли.

– И что же делать?

– Давайте по итогам каждого такого семинара начнем составлять информационные бюллетени и по отлаженной академической цепочке рассылать уже избранным депутатам по всему Союзу, да еще с обратным контактным адресом Дома ученых. Во-первых, ваши наработки станут предметом предварительного обсуждения. Во-вторых, многие захотят поделиться своими идеями и, следовательно, станут если не единомышленниками, то уж, во всяком случае, собеседниками.

На том и порешили. Я, Собянин и Шабад стали редколлегией бюллетеня. КИАН получил новый смысл и задачи. В борьбе с коммунизмом был сделан немаловажный шаг вперед – за пределы Московской кольцевой автодороги.

Работа в Доме ученых закипела. Писали бюллетени, печатали на нашем компьютере, разносили экземпляры по своим

ну «Москва – образцовый коммунистический город». В столице постарались создать относительно товарное благополучие. Не получилось, конечно, но жителям окрестных регионов (Калуги, Тулы, Ярославля, Владимира и т. д.) приходилось по выходным часами потеть в набитых электричках и автобусах, чтобы в московских магазинах разжиться колбасой или селедкой. Анекдот появился: Армянское радио спрашивают: «Что такое: длинное, зеленое, колбасой пахнет?». Ответ: «Электричка Москва – Тула». И, наконец, потому еще Москву не любили, что за решением каждого мало-мальски важного вопроса в сверхцентрализованном государстве нужно было ездить в столицу, сидеть часами в приемных. Упрашивать, вымаливать и часто получать отказ. С другой стороны, конечно, Москвой любовались, к московским знаменитостям прислушивались, на их выступления ходили. Все как всегда...

институтам и там всеми правдами и неправдами размножали (кто ценой шоколадки и силами институтских машинисток, кто ценой пол-литра водки на местном ротапечном станке). Потом все это собиралось в нашей комнатенке и, в основном, нарочными рассылалось по академическим институтам и вузам СССР. А там уж наши товарищи, кто как мог, доносили бюллетени до депутатов, вторую группу которых доизбрали 14 мая.

Дом ученых превратился в подобие Республиканского клуба (впрочем, далеко не единственного, то тут, то там возникали «Центры за перестройку», «Депутатские клубы» и т. п.). Но поскольку здесь бывали такие знаковые персоны, как Андрей Сахаров, Гавриил Попов и другие, политические мероприятия в Доме Ученых становились нерядовыми событиями.

С приближением Первого Съезда народных депутатов СССР яростность дискуссий нарастала, и было ясно, что просто на идеях работу не вытянуть. Но что делать? Весь аппарат подготовки съезда в руках Горбачёва. Как захочет, так его и оркеструет. Мы ломали голову до тех пор, пока...

13 или 14 мая утром Юля походя спросила:

– Слушай, а вы будете перед съездом проводить такое же совещание, как тогда, в ФИАНе, перед выборами в Академии наук?

Я хлопнул себя по лбу: идиот! Как эта мысль не пришла в голову?!

В тот же день рассказал об идее жены коллегам в Доме ученых. Встретили на ура. Однако тут же возник вопрос. Хорошо, связи с подавляющим большинством депутатов мы установили. А зачем приглашать всех? Нужны только единомышленники, с которыми можно вместе вырабатывать стратегию и тактику противостояния партаппарату.

Решение нашел Анатолий Шабад. Он предложил направить пригласительное письмо всем депутатам, но такое по содержанию, чтобы оно буквально отшвыривало людей, придерживающихся консервативных, прокоммунистических взглядов. Он же и набросал проект письма, которое после небольших правок стремительно разлетелось по всему СССР.

Мы приглашали уважаемых депутатов принять участие в митинге (формально – встрече депутатов с избирателями) в Лужниках 21 мая, а потом, 22–24 мая, провести трехдневную подготовку к открытию съезда, отрабатывая процедуры, вопросы, повестку, чтобы не позволить партаппарату превратить съезд в фарс.

И – новый виток активности. Заказать залы (три на три разных дня, зная «милую» привычку властей закрывать залы под надуманными предлогами), определить ведущих (по два депутата на каждый день, для подстраховки), сформировать повестку.

Одновременно по линии клуба «Московская трибуна», «Мемориала» и МОИ шла подготовка к проведению митинга

в Лужниках, счастливо совпавшего с днем рождения Андрея Дмитриевича Сахарова (ему исполнялось 68 лет, и кто мог тогда подумать, что это его последний день рождения...). Для МОИ, однако, это должен был быть бенефис Ельцина, которого они шаг за шагом продвигали на позицию общенационального демократического лидера (напомню, что в это время Ельцин был еще членом ЦК КПСС, то есть относился к высокой номенклатуре советской системы, пусть и в опале).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.